

Стася
Андриевская

Потому что
(НЕ)ЛЮБЛЮ...

Если мы захотим

Стася Андриевская

Потому что (не) люблю...

«Литнет»

Андриевская С.

Потому что (не) люблю... / С. Андриевская — «Литнет»,
— (Если мы захотим)

— Тайная семья? — обмерла я. — Ну да: женщина, ребёнок. — Каждое слово, как нож в сердце. — Могу выслать фотки... И всё рухнуло. Столько лет брака и бескрайняя любовь внезапно превратились в пустоту, спасение от которой одно — ненависть. Или забвение. Но я выбрала и то и другое. Потому что всё ещё люблю. *** — ...И прямо сейчас они целуются. — Уверен, что это она?! — мгновенно вскипел я. — Сейчас скину фотку... И всё встало на свои места: и эта её отчуждённость и вечные головные боли. Столько лет брака и безумная любовь внезапно оказались лишь циничной ложью... Ну и ладно. Не больно-то и надо! К чёрту катись!!! Забуду на раз-два! Потому что не люблю! И не надейся!

Содержание

Пролог	5
ЧАСТЬ 1: Уйти нельзя простить	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Потому что (не) люблю...

Автор: Стася Андриевская

Пролог

– Я тут у тебя осмотрюсь, ты же не против?

Прозвучало не как вопрос. Он просто ставил в известность и плевать хотел на ответ.

– Вы меня в чём-то подозреваете? – уже в спину ему бросил Густав. – В чём?

Тот промолчал. Объяснять он тоже ничего не собирался.

Хлопнула дверь ведущая в сенник и сразу же – уличная. Я бросилась к окну, замерла, прячась за шторкой, пытаюсь разглядеть мужчину, но увидела лишь высокую фигуру в яркой спортивной куртке. Алая с жёлтыми полосами. Кричащая, дерзкая. Опасная.

Сердце моё выпрыгивало. Его лихорадочное биение отдавалось болью в виски и тупой пульсацией в низ живота.

Снова хлопнула дверь и на улицу выскочил Густав. Без шапки, фуфайка нараспашку. Длинные, всегда аккуратно зачёсанные волосы тут же взметнулись на ветру, упали на глаза, но он лишь придержал их рукой и поспешил за мужчиной.

– Послушайте, если вы ищете что-то конкретное, может, я смогу вам помочь? Здесь, на пару километров в округе, точно никого больше не найдёте!

Приезжий остановился. Но не потому, что решил поговорить с Густавом – просто от калитки к нему шёл второй мужчина. Я хорошо видела его лицо, но не узнавала. Хотя, что это в моём случае меняет, да? Гораздо важнее, что оно меня не волновало, не задевало. В отличие от первого мужчины, в котором меня убивал даже звук его шагов.

Напряглась, комкая шторку в кулаке – обернись, ну же! Обернись!.. Но мужчина в спортивной куртке стоял ко мне полубоком, почти спиной. Я видела лишь его широкие плечи, лежащий на них капюшон с густой меховой опушкой и часть коротко стриженного затылка.

– Обернись!

Не услышал, не почувствовал. Не обращая внимания на расстилающегося перед ним Густава, обвёл взглядом двор, кивнул на дальний сарай под навесом. Туда все трое и пошли.

Когда они скрылись из виду, я без сил опустилась на диван. Потряхивало, даже в ушах шумело. Тупой полупрозрачной болью толкнулось в самый пах и тут же по диагонали вверх, под рёбра. Я положила ладонь на живот, ловя беспокойное шевеление малыша. Он тоже боялся вместе со мной. И тоже не понимал, чего именно.

Под оконцем мелькнула тень, я бросилась к стене, прижалась, прячась, снова видя не лицо, а лишь силуэт, заглядывающий в комнату с улицы. Потом он пошёл дальше, а я, совершенно уже не соображая, что делаю, кинулась из комнаты – через весь дом, в сарай, пристроенный к его задней стене.

Сарай был совсем старый, дощатый. Сквозь частые щели полосато пробивался уличный свет и задувало снежинки. Холодно, почти как снаружи. Но я всё равно стояла и, едва дыша, ждала. И он пришёл.

Бесцеремонным ударом ноги распахнул дверь и остановился на пороге. Я прижалась к простенку, замерла. Пара мгновений – и он пошел дальше. Внутрь. В мою сторону.

Голова кружилась, сердце колотилось в горле. Началось удушье. Всё-таки это было очень глупо – идти сюда. Это то, о чём всегда предупреждал Густав – паталогическая зависимость от своих страхов. Ну что ж, я зависимая, да. И, похоже, ещё пара минут – и умру от разрыва сердца. Но счастливая.

Мужчина медленно шел вдоль моего простенка, и я отчётливо слышала, как сухо скрипит налипший на его ботинки снег, как клубящимся паром срывается с его губ дыхание. Он был похож на зверя, выслеживающего добычу. А добычей была я.

Как нарочно остановился прямо напротив меня, тоже прислушался. Теперь нас разделяли лишь несчастные полтора сантиметра полугнилых досок. И чёртова бездна моего ужаса, какого-то первобытного, непонятного и нелогичного.

Сделал ещё пару скрипучих шагов – я за ним, осторожно ведя застывшими пальцами по щели, в которую так близко видела теперь и мех на его капюшоне, и даже яркие отстрочки плечевых швов куртки. Но не лицо.

– Я тебя всё равно найду! – с дикой яростью врезал вдруг он кулаком в стену прямо у моего лица. Я отшатнулась, в ужасе зажимая рот руками. – Найду, найду, найду!

Удары сыпались один за другим, потом всё резко затихло. В каком-то дурмане мне почудился голос второго мужчины. Пара коротких фраз, и они оба ушли, а меня заколотило. Ноги резко ослабели, стены покачнулись...

– Марина! – подхватил меня кто-то под руки, не дал упасть. – Ну что ты делаешь, ну зачем? Зачем, родная? Ну я же просил... Ну что же ты!

– Это он? – вяло схватила я Густава за грудки. – Это был он? Он что, нашёл нас?!

ЧАСТЬ 1: Уйти нельзя простить

Глава 1

Чуть больше полугода назад. Август 2018г.

– В целом, конечно, заманчиво, но... – Горовец поболтал подтаявший лёд в бокале и лениво вытянул ноги. – Душно сегодня, да? Не люблю жару.

Эта его манера соскакивать с темы откровенно подбешивала, но кто из нас «Железяка», в конце-то концов? Я отзеркалил его ленивую позу, демонстративно чиркнув кроссовкой по лакированному носу пижонской туфли, оттесняя его ноги из своего личного пространства под столик.

– Ты немного не понял, Юр. Я у тебя не прошу, а приглашаю в долю. В хорошую, жирную долю. Но ты в моём списке кандидатов не единственный, так что... – Раскинув руки по спинке дивана, рассмотрел ссадину на правом кулаке. Опять раскровилась, зараза.

Горовец менжевался, я это видел. Он был не настолько смел, чтобы рисковать личным капиталом и не настолько умён, чтобы рисковать деньгами отца. Да и к чёрту бы его, вот только и у меня на самом-то деле не было никакого списка, и сейчас я нуждался в Горовце и его инвестициях, как домна в кислороде.

– Нужно ещё раз всё обмозговать, Дань. Такое предложение, это... – Снова загадочно умолк.

– Не вопрос, погнали в офис. Как раз пока доедем, мои подготовят для тебя мини-презентаху.

– Не. Давай, я всё-таки сам наберу тебя на неделе.

– Два дня. Долше не могу, серьёзно, Юр. Я и так тебе первому предложил.

Случайно глянул на телефон в руке и чуть по лбу себя не шлёпнул – сквозь беззвучный режим упрямо пробивался Кирей.

– Братан, ну к тебе как в Кремль, честное слово! – вместо «здрости» сходу радостно наехал он. – Оставь надежду всяк сюда звонящий! Где ты, позволь спросить, шляешься, большой деловой человек?

– Здорово, Кирюх! Извини, срочные дела всплыли, закружился совсем. Ты всё, багаж уже получил? Я сейчас подскочу за тобой, подожди ещё немного.

– Даньч, не хочу тебя расстраивать, но я прилетел пару часов назад и уже минут десять, как стою у тебя под воротами.

– Серьёзно? Тогда погоди, сейчас Нину наберу. Она просто в отсутствие хозяев не открывает никому...

– Ещё как открывает. Вот прямо сейчас. Наконец-то.

– Кто? – не поверил я своим ушам. – Домработница? Быть того не может.

– Ну-у-у... – после театральной паузы наконец выдавил Кирей, – если она у тебя теперь в домработницах, то-о-о...

– А-бал-деть! – с неподдельным изумлением выдохнул где-то на фоне голос моей жены. – Какие люди! Я сплю?! Ущипните меня кто-нибудь!

– Ну всё, Даньч, я, короче, уже у вас, – быстрой скороговоркой закончил Кирей, но, прежде чем связь дала отбой, я услышал его приглушённое, сказанное уже не в трубку: – Да я бы, конечно, пощипал, но...

И всё, звонок завершился. В груди шевельнулось что-то такое мерзкое, давным-давно забытое, но, как оказалось, очень даже живое. Я глянул на часы. Это было непростительно,

но дела вдруг отошли на задний план. В голове звучал только голос жены. Вернее интонация. Такая... Свежая, живая. Полная неподдельной радости. Жены, которая вообще-то говорила, что её весь день не будет дома.

– Ладно, Юр, мне надо гнать. Давай я своих человечков состыкую с твоими, они там перетрут по цифрам, а мы с тобой по факту уже стрелканёмся на неделе и...

– Да пошёл ты! – взвизгнуло за углом террасы. – Гад! Руки убрал, я сказала!

И оттуда выскочил мой водила, специально приехавший на второй тачке, чтобы рвануть со мной в аэропорт, забирать багаж Кирея, потому что в мою новенькую Ferrari Superfast кроме двух пассажиров помещалась разве что бутылка минералки. И то с трудом. Но сейчас Пашка волок за собой вовсе не багаж, а визжащую девицу.

– Паш, какого... чёрта? – едва сдержался я. – Что происходит?

При виде моей злой, слегка побитой рожи, девчонка осеклась и перестала орать матом. Но по-прежнему отбрыкивалась и шипела всякими «уродами» и «козлами». Горовец с интересом сложил руки на круглом пузе и приготовился смотреть шоу.

– Данила Александрович, она машину вашу поцарапала! – остановившись в паре шагов от стола, скрутил ей руки за спиной Пашка. – Новую.

За-ши-бись! Вот просто слов нет!

– Ну что ты скажешь, – не поднимая головы, процедил я сквозь зубы, – попала девочка не по-детски. Только чего ты её сюда-то припёр? Иди вызывай комиссаров.

– Так она вот, Данила Александрович! Вот этим! – положил он на столик длинный гвоздь. – Слово из трёх букв нацарапала.

– Хех! Смертница! – крикнул Горовец.

А я вдруг рассмеялся, потому что дебилизм ситуации зашкалил. Пашка растерялся. А девчонка, почуяв свободу, попыталась его лягнуть и сбежать. А когда не получилось, снова завела своё:

– Руки убрал, козёл! Да я вас...

И я сорвался. Просто подцепил её за химо и поволок вниз. С моего пути бесшумно разбегались понятливые официанты, а девчонка семенила за мной и ойкала, перемежая свой писк невнятной бранью:

– Гад! Руки убрал от меня... Да ты знаешь, вообще, с кем связался... Урод...

Выскочив на парковку, я замер возле своей малышки. Возле своей девочки, которая только неделю назад впервые увидела свет вне завода в Италии и крытой одноместной автовозки. Которая только вчера впервые познала единственного в своей жизни хозяина – меня! А теперь на её стильном, крашенном по моему же индивидуальному заказу в стальной металлик с дерзкой жёлто-алой полосой капоте красовалось уродское слово из трёх букв. То самое, на «х» начинается.

У меня перед глазами поплыла красная пелена... Едва сдерживаясь развернулся к девчонке.

– Что бы ты понимала, эта тачка стоит двадцать миллионов. Ремонта минимум на лям-полтора точно. У тебя есть такие деньги?

– Да пошёл ты! – огрызнулась она, но уже значительно тише.

– Я так и думал. Ну что ж, похоже, следующие лет пять тебе придётся провести за решёткой. Но можно иначе – я тебя просто отпущу, если скажешь, кто заказал.

Она упрямо молчала. Дерзкая во всём: в вызывающем, ненавидяще-испуганном взгляде, в том, как не прекращая ни на секунду, пытается вывернуться из захвата и дать дёру, в брани, которая срывается с пухлых обкусанных губ так свободно, словно это просто дыхание.

– Ну? Последний раз спрашиваю.

Молчит.

– Ладно. Не хочешь по-хорошему, будем по-плохому.

– Да пошёл ты! – вскинула она на меня полный презрения взгляд, такой, что я даже замер на мгновение – она была похожа на глупого трёхнедельного котёнка, шипящего в морду бойцовскому псу. И это, как ни странно, было даже забавно. – Кого ты из себя строишь, крутого? А в зеркало себя видел вообще? И тачку свою уродскую ты в соседнем гараже из ржавой Приоры сделал!

– Ффф... – сжал я кулаки в карманах. Всё-таки она бесила, а не забавляла. – Короче Паш, грузи её и на хату.

***

Едва вошёл в дом, как сразу услышал Маринкин смех. Звонкий, беззаботный, взхлёб. У меня аж челюсть свело. Что это – злость? Ревность?

Остро захотелось послать всё куда подальше, однако я натянул довольную улыбку, и шагнул в гостиную.

Кирей развалился на диванчике, а Маринка сидела напротив него на барном островке и игриво болтая ногами, хохотала. Ну то есть вот эта зараза, от которой я за последние месяца так четыре не то, что близости, а даже улыбки не видел, сидела сейчас на столе и заливалась смехом. Склонённая к плечу голова и откиннутые назад волосы будто случайно открывали изящную линию оголённой шеи и ключиц...

Увидев меня, тут же осеклась. Скользнула со столешницы, оправила съехавший на плечо ворот шелковой домашней блузы и привычно натянула длинные рукава на кулаки. Всего мгновение – и вот она снова закрытая и чужая.

– О, Даныч, братан! – поднялся навстречу мне Кирей. – Наконец-то!

Обнялись – крепко, по-настоящему. Как и положено самым близким друзьям детства.

– Ничего себе, Капитан Америка! – тиснул я его за прокачанное плечо. – Пять лет назад ты, помнится, был помягче.

– Работа такая, – смеясь подёргал грудными мышцами Кирей. Получилось эффектно.

– Всё-таки порвал Голливуд?

– Типа того. А ты-то чего такой покоцанный? – кивнул на подсохшую уже корку на моей губе. – Жена что ли бьёт?

Я бросил взгляд на Маринку. Подумалось вдруг, что, если бы она расщедрилась хотя бы на такой знак внимания, это было бы уже ого-го! Но мне теперь не то, что по морде, а даже просто повышенного тона голоса от неё не доставалось.

– Да нет, жена у меня сама нежность. – Снова взгляд на Маринку, но она на меня не смотрела и, похоже, даже, не слушала. – Просто боями балуюсь. Помогают снять стресс и быть в тонусе. Без этого в бизнесе никак.

– Интересный подход! А тебя не смущает, что в таком виде ты похож скорее на гопника?

– А ему ему плевать! – встряла вдруг Маринка. – Он позапрошлой осенью был номинирован на областную премию «Человек года» Пятнадцать номинантов, все не абы кто. Торжественный приём, голосование в прямом эфире, телемост с Москвой. Дресс-код, естественно! Но в чём, думаешь, пошёл господин Магницкий?

– В трениках и резиновых шлёпках, в чём ещё! – беззлобно рассмеялся Кирей. – А иначе это был бы не Даныч!

– О! Значит не так всё запущенно. Потому что он пошёл всего лишь в джинсах и кроссовках. Хотя спасибо уже на том, что джинсы были без рваных коленок, а то он такое тоже любит.

– Ну это скорее твой косяк, Марин. Надо вовремя зашивать.

Оба рассмеялись.

– Так ты погоди, знаешь, как его окрестили журналисты?

– Ну, думаю, не меньше, чем Магнит! Нет, Магнетиссимо!

– Железяка.

– Чего-о-о?

– Того! Но, справедливости ради, стоит сказать, что первоначальная версия была «Железный человек», и это было действительно круто. Но уже к концу вечера, когда он прямо в зале торжественного приёма, стал бороться со всеми желающими на руках, от неё осталась только Железяка. Представляешь?

Снова рассмеялись. Прям встреча выпускников, твою мать. Я дал им проржаться и поставил жирную точку:

– Ты забыла сказать главное – именно я взял тогда эту премию и стал человеком года.

Маринка едва заметно усмехнулась и ничего не ответила, но я её прекрасно понял. Тогда решающим для моей победы фактором стали не заводы-пароходы «РегионСтали», а кризисный центр «Птицы», который формально хотя и являлся грандиозным социальным проектом моей конторы, но фактически – от меня там только финансирование. Сам же проект был придуман и создан Маринкой – с полного нуля. Не знаю откуда она взяла тогда на это силы. А может, наоборот, именно это и придало ей сил, ведь говорят же – хочешь помочь себе, начни помогать другим, а дальше всё само подтянется.

– А ещё у него берцовая кость на болты собрана, он тебе не говорил? И скоба на нижней челюсти. Так глядишь, туда-сюда и правда железякой станет.

– Нет, не говорил, – посерьёзнел Кирей. – А что случилось? Авария?

– Да нет. Нога – это с парашютом допрыгался, а челюсть – на боях сломали. В двух местах. Больше месяца пюрешками через трубочку питался. А аварий не было. Пока. Но теперь, когда он купил себе спорткар... Кстати, он тебе уже хвастался?

– Марин, может хватит? – не выдержал я. – Сто раз обсуждали! Я не собираюсь сидеть дома и смотреть телек, как и таскать эти чёртовы смокинги и галстуки! Мне нужна свобода и драйв! Я мужик, в конце концов, и имею право на мужские забавы!

– Да я разве спорю? – стиснув в кулаках рукава блузы, едва заметно поёжилась она. – Забавляйся на здоровье. Мужик. – И, не сказав больше ни слова, ушла наверх.

Я сосчитал до десяти и выдохнул. Во время этой внезапной мимолётной перепалки братан безучастно накручивал на палец шнурок от треников и делал вид, что не понимает, что тут происходит. Но мне всё равно было как-то не по себе.

Может, если бы Маринка была просто левой девчонкой, то и мне было бы без разницы, но так уж вышло, что двадцать лет назад я увёл её у брата. Больше того – они ещё были вместе, а я уже умудрился дорваться до её невинности. Случайно, конечно[1], но это не меняет того факта, что тогда-то я её увёл, а вот сейчас, кажется, больше не вывожу. Чёрт его знает почему, просто что-то вдруг сломалось, и наша любовная брочка словно разом лишилась всех четырёх колёс. И я уже из кожи вылез, пытаюсь её починить – не получается. В то время, как Кирей, увидевшись с Маринкой впервые за последние двенадцать лет, похоже сразу нашёл подход.

В груди снова скрутило. И я понял – это не злость и не ревность. Обычная тоска. Просто устал я от этого всего, держусь из последних сил.

– Так ты у нас теперь записан в анналы истории родного сити? – прервал молчание Кирей. – Поздравляю! Человек года – это же как Нобелевка местного уровня!

– Фигня всё это. Мишура и показуха. В этом году они уже выбрали нового героя, а старого в топку. Так это обычно и происходит.

Тогда, полтора года назад, я действительно не хотел соглашаться быть номинантом, не было ни грамма предпосылок на победу, а позориться не хотелось. Но Маринка настояла. «Ты должен! Ты можешь! Ты достоин!» – и так зажгла своей верой, что у меня создалось ощущение полёта. Но самый большой кайф было видеть удовольствие и обожание в её глазах. И я посвятил эту победу ей – прямо там, на присуждении подняв над головой тяжёлую хрустальную фиговину с золотым напылением, толкнул пусть и корявую, но от души речь: «В этот ответственный момент хочу торжественно признаться, что всё, что у меня есть, и всё, чем являюсь я сам – это заслуга моей жены. Она моя муза и ангел-хранитель, и, если бы не она, – не было

бы ни «ЮгРегионСтали», ни «Птиц», потому что это всё с самого начала создавалось для неё. И уж точно я не стоял бы сейчас перед вами, на этой сцене, пытаясь толкнуть целую речь, в то время как жутко хочется лишь одного – поскорее обнять свою жену...»

Маринка тогда всплакнула. А вместе с нею и добрая половина всех высокопоставленных тёток в зале. И хотя я действительно припёрся на церемонию в неформальном прикиде, в то время как Маринка блистала утончённой элегантностью, мы всё равно были самой красивой парой вечера, а на несчастном, заботливо приготовленном Маринкой, но небрежно брошенном мною во время сборов на кровать смокинге, мы потом до самого утра занимались любовью и клялись друг другу в любви до гроба.

Через пару дней какая-то журналистская сволота опубликовала опус под заголовком «Цена любви «влюблённой Железяки» или Кризисный центр для суицидного Ангела-хранителя» в котором со вкусом муссировались подсмотренные на Маринкиных запястьях шрамы и вытряхивались до жути искажённые подробности нашей с ней трагедии.

Сейчас трудно даже вспомнить, как меня тогда бомбануло. Журналиста был пойман и избит, главный редактор издания запуган до полусмерти. Со всеми предполагаемыми заказчиками беспредела проведены доходчивые профилактические беседы.

Ещё через пару дней вышла новая статья с опровержением и извинениями, и поднимающаяся волна шумихи резко затихла на полуслове. Маринка, стойко сделав вид, что ничего не успела заметить, лишь ещё рьянее занялась новыми попытками зачать, а я впервые осознал то, что, похоже, давно уже поняла Маринка: все материальные победы в жизни – лишь мишура и показуха.

К сожалению, осознать мало. Особенно, когда причастен к утрате самого главного, и эта дыра в сердце требует заткнуть себя хоть чем-нибудь. И проще всего сделать это очередной медалькой на шее.

– А что со спортом? – снова прервал молчание Кирей. – Почему не хвастаешься, зажал?

– Да блин, там такая история вышла... Ладно, пойдём, это нужно просто увидеть.

Тачку во двор не загонял, оставил в кустах за охраняемым въездом в посёлок. Оставляя, подумал ещё, что «удачно» вышло, а иначе бы и не догадался заявиться в дом по-тихому. Тогда же ругнул себя за то, что словно ревнивая барышня истерию на пустом месте... Но в дом всё равно зашёл с задов, и увидел то, что увидел – Маринка флиртовала с Киреем. И в нашем с ней запущенном случае это уже можно приравнять если не к измене, то к предпосылкам точно.

– Нда-а-а... – обалдело выдохнул Кирей, увидев художества на капоте. – Вот это подстава. Знаешь кто?

– Только исполнителя. Девка, прикинь? – Закурил. – Повязал её, буду раскручивать.

– Думаешь, заказ?

– Уверен. Правда пока не понимаю кто. Те, кто действительно хотели бы мне насолить – ребята слишком серьёзные для такой дешёвой хулиганки, а те, кому я просто не нравлюсь, наоборот, слишком мелкие. Тут же всё прям до тошноты дерзко. Тот, кто на это пошёл, похоже, совсем без башки. А если и с башкой, то ненадолго, потому что я её, один хрен, оторву. – Вытянул из кармана ключ. – Хочешь посидеть?

– Да чего сидеть-то, давай сгоняем куда-нибудь.

– Издеваешься? Чтобы я на таком по городу светился? – Вздыхнул. – А я ведь о такой всю жизнь мечтал. Помнишь, вкладыши из «Турбо»[2]?

– Ещё бы, у тебя же вся коллекция гоночных была. Слушай, – поскрёб пальцем царапину, – но здесь ведь фигня вопрос, не глубоко. Перекрасят так, что и сам забудешь.

– Не вариант. Я хотел нулёвую. Именно эту. Она же под заказ делалась.

– Да забей, братан, серьёзно. Просто перекрась и цени её за то, что она у тебя теперь ещё уникальнее, чем вышла с завода.

– Не, ты не понимаешь. Тот, кто это сделал хотел меня опустить, и этому слишком много свидетелей. И если официанты и мой водила ещё почти не в счёт, то Юрка Горовец – это уже серьёзно. Магницкий не будет ездить на опущенной тачке, понимаешь? Хоть ты её чистым золотом теперь облей. Я даже продавать её уже не буду. Переплавлю, к чертям. Была эксклюзивная тачка за двадцать лямов, станет канализационной трубой. Как-то так.

– Ну ты даёшь.

– Это просто железо, братан, а вот имя и авторитет – штука шаткая. Я пас. Единственное о чём действительно жалею – что не бросил её прямо там. Это было бы правильнее. Но я что-то психанул.

Завибрировал телефон, я глянул – Сашка. Сбросил вызов. Пока возвращались, она звонила ещё, и я снова сбрасывал. Злился. Но она прислала СМС: «Срочно перезвони», и меня кольнуло тревогой. Отправив Кирея в дом, задержался в саду. В трубке сначала раздавались долгие гудки, потом тихий голос:

– Алло?

– Что за срочность?

– Владька. У него температура под сорок, я скорую вызывала, они укол жаропонижающий сделали и предложили госпитализацию, но я отказалась.

– Ты... Что?! Саш, какого чёрта ты творишь?!

– А потому что с непонятными симптомами, между прочим, только в инфекционку увозят! – тут же вскинулась она. – То ещё удовольствие, знаешь ли. Мне сейчас это вообще ни к чему, я и так...

– Можно подумать, вы лежали бы в общей палате! – Перебил я, но, выдохнув, взял себя в руки. – Как он сейчас?

– Лучше.

– Дай ему трубку.

– Не могу, он заснул.

– Ладно, позже наберу.

– Погоди! У нас деньги кончились.

Да кто бы сомневался! Но выяснять куда девалась почти сотня косых, перечисленных всего пару недель назад, сейчас было и не к месту, и не ко времени. К тому же, я и без разборок догадывался куда.

– Хорошо, кину на карту. И смотри мне, Саш, не дай бог из-за твоих загонов Владьке станет хуже!

На этот раз заходил в дом не таясь. Маринка снова была в гостиной, на смежной с ней кухне, и варила кофе для дорогого гостёчка. Причём не в машине, а на огне, откопав откуда-то скованную мною сто лет назад медную турку. На мои шаги даже не обернулась, зато, заслушиваясь возбуждённой болтовнёй братана, улыбалась ему и активно поддакивала.

– Марин, а где, вообще, Нина? – бесцеремонно врываясь в их идиллию, включил я долбанного полоумного Альфу. И ведь понимал, что дурак, но несло. – И почему ты вообще дома?

– У меня изменились планы, и я её отпустила. А что-то не так?

Хотелось съязвить, что всё так, и я просто обалдел, в кои-то веки увидев у плиты её саму, но сдержался. Однако, меня швыряло. То, как вела себя Маринка в присутствии Кирея, было похоже либо на откровенное издевательство надо мной, либо на неподдельную радость от встречи с ним. И ещё непонятнее, что злило меня сильнее.

– Даньч, давай сходим сегодня куда-нибудь? – принимая чашку кофе, предложил Кирей. – Посидим втроём культурненько, живую музыку послушаем? Соскучился я по этому, не передать как! В Америке такого тоже валом, но атмосфера всё равно не та.

– Да без базара, только Маринка у меня в последнее время вообще никуда не ходит, сколько не пытаюсь её вытащить. Дом-работа. Дом-работа.

Не врал ни секунды. Действительно забыл уже, когда был на людях с нею вместе.

– Ну, вообще, она сама предложила.

Я вскинул на жену очередной обалделый взгляд, и она впервые за последние четыре месяца улыбнулась персонально мне:

– Давай в «Леди Кэт»? Думаю, самое то, чтобы оттянуться по полной!

---

[1] Отсылка к роману «Как целует хулиган», в котором описывается история начала отношений Данилы и Марины. Может читаться отдельно.

[2] «TURBO» – жевательная резинка модная в середине 90-х.

Глава 2

В «Леди Кэт» мы всё-таки не поехали, потому что оказалось, что сегодня у них нет живой музыки. Зато в «Аристократе» играл самый известный в городе джаз-бенд, и хотя мы с Маринкой никогда не любили все эти закрытые клубы для непростых смертных, сейчас не сговариваясь решили, что нам туда.

– Ну в смысле, ты пить не будешь что ли? – разочарованно возмутился Кирей, когда я выгнал из гаража «Икс пятого».

– Ну вообще, не желательно, у меня тренировка завтра с утра.

– Слушай, а это точно Даныч? – закатив глаза, братан галантно открыл перед Маринкой переднюю пассажирскую. – Что-то он какой-то нудный.

Маринка улыбнулась, но вперёд не пошла, юркнула назад и затаилась.

– Если что, водилу вызову, не парься, – сел я за руль и небрежно пихнул зеркало заднего вида, так, чтобы видеть в нём жену.

Она впервые за последние месяцы отступила от сухого офисного дресс-кода. И хотя опостылевшие уже длинные рукава никуда не делись, сейчас они были из пышной полупрозрачной ткани, обнажая руки загадочным силуэтом, и это было гораздо круче, чем просто нагота. Глубокий вырез декольте, с лаконичной бриллиантовой капелькой в ямочке ключиц, узкая, чуть ниже колен юбка, с высоким разрезом сзади. Не удивлюсь, если под платьем обнаружится и пояс с чулками. Умопомрачительно!

Хотелось смотреть на неё не отрываясь, зарываться пальцами в шёлковые волосы, дышать пудровым шлейфом её любимого парфюма. Нашего с ней с любимого. Которым она не пользовалась с тех пор, как началась вся эта непонятная ерунда в наших отношениях, но почему-то именно сейчас нанесла именно его. И теперь он задевал внутри меня что-то дико болезненное и в то же время приятное, заставляя снова и снова ловить в зеркале её отражение.

Это напомнило мне вдруг те двадцатилетней давности времена, когда мы гоняли вот так же: Маринка сзади, Кирей спереди, я за рулём. Только тачка у меня тогда была – ржавый жигуль, а Маринка была девушкой Кирея. Теперь же всё иначе. Всё. Кроме одного – меня по-прежнему кроет от неё со страшной силой, а она на меня даже не смотрит.

Несмотря на закрытость и пафосность клуба, столик в «Аристократе» я выбил едва ли не силой. Вот уж не думал, что наш провинциальный бомонд так охоч до культурных программ. Тем более, не столичная звезда какая-нибудь, а просто местный джаз. Кирей озирался, разглядывая интерьер и, кажется, втихую офигевал, и меня снова обуяло дежавю – когда-то давно в подобное пафосное местечко впервые привёл меня он, и тогда, помнится, вертелся и офигевал я. Однако сейчас всё оказалось гораздо проще:

– В Америке такие заведения, конечно, ещё встречаются, – на вопрос Маринки о том, как ему здесь, ответил Кир, – но уже считаются чем-то вроде музеев для старпёров. Уж сорян за откровенность. Просто статус теперь не в понтах, а в эксклюзивности.

Маринка рассмеялась, и я поспешно отвёл взгляд – так остро захотелось ворваться в эти нежные губы... Языком по нёбу, по зубам – взасос, глубоко и долго, до удушья и головокружения. И пусть вырывается, дерётся, кусается... Что угодно, главное снова хоть на мгновение почувствовать её вкус. Впервые за чёртовы четыре месяца.

– Хочешь сказать, здесь недостаточно эксклюзивно? – качнула она фужером с шампанским, намекая, что ей надо бы подлить.

Кирей рассмеялся и, опередив официанта, взялся за бутылку, а я поймал себя на мысли, что он реально стал похож на киношного америкоса – белозубый качок с холёной кожей и манерами хозяина жизни. Этаким звёздный красавчик, герой-любовник, гроза женских сердец.

Удивительно ли, что на него, так же, как и двадцать лет назад, пялились все поголовно женщины в зале – от юниц до матрон. Включая Маринку.

– Хрустальная люстра в сортире, это не эксклюзив, а скорее мещанство, – вернув бутылку в ведёрко со льдом, усмехнулся он. – Но зато здесь есть кое-что другое, гораздо более важное – душевность. Даже несмотря на блестящие понты.

– А знаешь, я с тобой, как ни странно, согласна! Мы тут, в своей провинции, хотя немного и законсервировались, но зато как дети радуемся мелочам. Разве это плохо? Кстати, ты обещал рассказать, чем занимаешься.

Кирей как-то непонятно смутился, а может, это была просто игра на публику – слишком уж секси он при этом оказался. Прямо киношный плейбой.

– А какие есть идеи?

– Ну... – сощурилась Маринка, – не таксист, точно.

Кирей кивнул.

– И не офисный клерк. Не страховой агент и не вышибала.

Кивнул.

– Фитнес тренер?

– Не-а.

– Модель?

– Ноу.

– Дань, а ты знаешь? – неожиданно коснулась она меня ногой под столиком. – Ну наверняка ведь знаешь! Подсказывай, давай!

Если бы моя нога была рукой, я бы схватил её за щиколотку. Удержал бы, не отпустил. Закинул бы к себе на плечо, осыпал бы поцелуями... Но нога была всего лишь ногой, и касание промелькнуло как тень, оставив после себя лишь тёплое томление, стремительно ползущее к паху. Я хотел её. Чёрт, как же я её сейчас хотел!

– Да порноактёр он, не видно разве? Думаю, у него даже стринги в цвет американского флага имеются. И ноги бритые, точно. И не только ноги.

Маринка рассмеялась, краснея, закрывая лицо ладошкой. Кир тоже заржал. Ну и я за ними.

– А я, между прочим, тоже об этом подумала, но как-то постеснялась озвучить!

– Ну и зря! – неожиданно огорошил Кирей. – Потому что тепло.

– Серьёзно? Нет, серьёзно?! Так, ну хватит издеваться! – протянувшись через столик, шлёпнула его по плечу Маринка. – Колись давай!

Меня этот жест противно обжёг, но в то же время так надоело уже чувствовать себя ревнивым придурком, что я поднялся:

– Ладно, вы тут играйтесь, а я пойду покурю.

– Я за компанию! – подорвался Кирей. – Марин, ты с нами?

– Нет уж! – игриво вздёрнула она подбородок. – Я буду в гордом одиночестве ждать свои морепродукты и глушить шампанское. А когда вы вернётесь, возможно, уже буду плясать на столе. Так что не торопитесь.

– Опа, заявочка! Даньч, а не боишься, что её тут тупо украдут?

– Нет, – чисто на автомате отшутился я. – Всё равно потом вернут. С доплатой.

Поймал Маринкин взгляд... И чёрт меня подери, если шаловливые искры в нём не предназначались именно мне! Но уже в следующее мгновение она смотрела в стол, а я гадал, была ли это моя паранойя или реальность?

– Молодец, братан, я прям рад за тебя! – искренне хлопнул меня по плечу Кирей, когда мы встали у перилл на террасе. – Ну что, несмотря ни на что, всё у тебя наплаву, что вертишься, в олигархи вон даже выползаешь.

– Пфф... – поперхнулся я дымом. – Вот это ты сейчас смешно сказал. Мне до олигарха, как до луны пешком. Ты же не путай внешние атрибуты и реальное положение дел. Мой бизнес – как натянутая жила, – сжал кулак, – чуть расслабишься и всё, приехали. Свободных денег нет вообще, всё в обороте, и то не хватает. На тачку ту считай с самого начала, как ещё только с металлоприёмками завязался, выгадывал. – Угрюмо постучал сигаретой об пепельницу. – Выгадал, твою мать.

– Ну так, может, всё-таки, с молотка её? Двадцать лямов, блин!

– Нет, братан, нельзя. Ты правда не врубаешься, и тебе-то простительно, а вот мне тут ещё дальше крутиться. Железяка, значит, Железяка. И хрен меня кто погнёт. Тем более сейчас.

– А что сейчас? Проблемы какие-то?

– Ну... – пожал я плечами. – Знаешь, что такое холдинг?

– Нуу...

– Опухоль, которая жрёт всё, что только может сожрать. И вот если ты – это, грубо говоря, она, то ты в ажуре. А если ты тот, кого она хочет сожрать, то ты попал. Нет, подохнуть не подохнешь, и даже частично сохранишь свои активы, но навсегда останешься зародышем, зависящем от мамки. Все твои ключевые решения будут зависеть от одобрения головной конторы, в то время как их решения относительно тебя от тебя зависеть не будут. И плевать всем на то, что ты своё предприятие собственными кровью и потом возводил. На планы твои плевать и на желание развиваться в собственном векторе, если кому-то там, наверху, это покажется экономически нецелесообразным. Так вот я сейчас скорее второе. Сожрать хотят меня. – Покупил немного молча, глядя как стремительно темнеет небо. Кто бы мог подумать, что когда-нибудь буду вести с братаном такие беседы. И это, блин, не про смешную тысячу тон спирта под реализацию, как когда-то в конце 90-х. – У нас тут просто «Северсталь» активно заходит, со столичной подачи, естественно, с господдержкой. Метут под себя всё, что только видят, про неприкосновенность частного бизнеса что-то где-то слышали, но плевать хотели. А у меня, на минуточку, приём чермета по всей области сопоставим с монопольным. То есть, в какой бы точке области ты не решил сдать металлолом – в восьмидесяти случаев из ста его у тебя куплю я. В остальных двадцати – это будут левые предприимчивые ребята, но и они потом привезут его ко мне. Потому что с момента запуска «РегионСтали» я не только принимаю, но и перерабатываю чермет в полном цикле, от сортировки до изготовления металлопроката на продажу. Врубаешься?

– Ну... В целом да, конечно.

– Я лакомый и охрененно крутой по местным меркам кусок, но, к сожалению, слишком мелкий для того, чтобы застрять в горле Северстали. Проглотят только так. Внешне это будет выглядеть как добровольное решение, но на деле – либо тебя банкротят, и ты теряешь вообще всё, либо прогибаешься под них и сам отдаёшь контрольный пакет акций. Я не хочу прогибаться хотя бы не попробовав пободаться. Поэтому мне нужно расширяться, срочно. Учредить собственный холдинг, с «РегионСталью» во главе, а для этого нужны такие свободные бабки, в сравнении с которыми двадцать лямов за тачку – это просто мелкие карманные расходы. У меня на один только кокс для печи порядка пятнадцати лямов ежедневно уходит, о чём речь вообще? – Помолчал. Сейчас, когда проговорил всё это вслух, стало вдруг ещё очевиднее, в какой я заднице. – А ведь всего пару месяцев назад казалось, что всё в ажуре. Даже учебный корпус при заводе собирался открывать, чтобы самому взращивать для себя рабочие кадры и не зависеть вообще ни от кого. Ну а ты? Чем занимаешься-то всё-таки, человек-загадка?

– Аа-а-а... – загадочно ухмыльнулся он. – Это пока секрет. Расскажу, но позже, сейчас обстановка не располагает. Ну что, идём? Пока Маринка и правда не полезла плясать на столе. Мне кажется, она у тебя может!

Я усмехнулся. Та Маринка, которую я знал когда-то, чисто теоретически могла бы. Даже просто назло мне. А эта... Эта точно нет. Хотя я, как ни странно, был бы даже рад, ели бы она

выкинула что-нибудь в этом роде. И плевать на статусность заведения, и на то, что уже завтра молва разнесла бы это по великосветским кулуарам.

Я, если честно, был бы рад уже даже скандалу какому-нибудь, Маринкиным крикам, и обвинениям, брошенным мне в лицо. Пусть даже самым страшным в своей правде обвинениям, грозящим полным разрывом! Я ведь и так без конца параною по этому поводу и устал уже до смерти. Но это всё равно было бы лучше, чем то, что происходит сейчас. Это была бы буря, наломанные дрова и воронка от атомного, мать его, взрыва – но после того, как пепел осел бы, можно было бы попытаться начать с нуля. Снова. Мы ведь уже прошли однажды через ещё больший круг Ада и назло всему выстояли.

Но тогда были крики, драки и выжигающие душу обвинения брошенные в лицо друг другу. Полное безумие на пределе сил. И теперь-то я понимаю – именно это и спасло тогда нашу любовь, не дав ей остыть окончательно. Сейчас же всё было иначе, и сколько я ни пытался вывести Маринку на разговор, сколько ни ходил по грани, пытаюсь выяснить, что она знает, и знает ли вообще хоть что-нибудь – всё без толку. Я даже пытался провоцировать её на скандалы, чтобы её наконец прорвало и лёд тронулся, но лишь напрасно долбил в эту ледяную стену безразличия. И собственного бессилия. Потому что, не зная точно причин такого отчуждения, сам я тоже ничего рассказать не мог. Это было бы бессмысленно и жестоко по отношению к ней же.

Правда – она ведь такая дрянь, что убивает надёжнее любой лжи. Я знаю это точно. Правда убила моего отца, когда он узнал, что я скорее всего не его сын, а сын его лучшего друга. Позже это подтвердилось, но что это изменило? Я ведь всё равно навсегда останусь Магницким, а не Кругловым. К тому же отец Кирея, теперь уже получается и мой биологический отец, тоже так и не узнал наверняка, что я действительно его сын – экспертизу ДНК мы с Киром сделали уже после его смерти.

Ну и зачем тогда всё это было? Кому нужна была эта правда, брошенная в лицо, но вонзившаяся ножом в спину?!

...Другое дело, если Маринка узнала всё сама. Но как?!

– Братан, ну ты чего? – окликнул меня Кирей.

– Да, – кивнул я, – ты иди, я сейчас пару звонков сделаю и тоже подойду.

Но Сашка трубку не брала. Я скинул ей сообщение: «Как Владька? Напиши» и вернулся в зал. Но душа уже была не на месте. Почему она не отвечает? Что там у них происходит?

Четыре года назад. Июль 2014.

День выдался не просто трудный – на грани человеческих возможностей. Я устал, как скотина, опалённые горло и нос саднили, глаза слезились. Время уже перевалило за полночь, но домой, откровенно говоря, ехать не хотелось.

Да и был ли он ещё, этот ДОМ? Лишь чёрная бездна беспробудного горя, которое я душил как мог, в основном пропадая на производстве, забываясь в жарком, пропитанном парами оксидов воздухе, и методично, на голом упрямстве выводя на производственные объёмы то, что мне на хрен уже не было нужно – свою первую мини-домну.

А впрочем, что вообще мне сейчас было нужно? Ничего. Потому что ровно год назад, в тот самый день, смысла лишилось вообще всё.

Художественнаяковка – просто моё маленькое хобби, к которому едва ли не с самого рождения проявился интерес и у сына. Маринка была против, говорила не время, пусть подрастёт. Интуитивно боялась всего этого огня, раскалённого железа, молотов и прочего. Я возражал, что у меня тут с безопасностью круче, чем в КГБ, а у ребёнка наклонности, между прочим. Она шутила, что с моим упрямством даже обезьяне можно навязать какие угодно наклонности. Смеялась, что, может, Владька вообще танцором стать захочет, грозилась, что

завтра же запишет его в балет. Специально меня цепляла, знала, что я буду злиться. Что потом сама же и будет меня успокаивать, отдаваясь без остатка моим извращённым фантазиям. Впрочем, что касается интима – тут мы с ней никогда не уступали друг другу в изобретательности. Мы знали друг друга, как самих себя, но от этого не становилось скучнее – наоборот, открывались такие бескрайние горизонты, что где бы я ни находился, меня накрывало уже от одной только мысли о жене.

Это было светлое, доброе время, настоящая награда после бесконечных четырёх лет полных поражений, слёз и отчаяния от неудачных попыток зачать и выносить ребёнка. Когда уже не знаешь, отчего будет больше – от того, что тест не покажет двух полосок, или наоборот – оттого, что покажет... Рекордный срок беременности у нас тогда не превышал пяти недель, а потом снова кровотечение, слёзы, отчаяние. Раз за разом. Год за годом.

Но Владька оказался упрямым: он самостоятельно дотянул аж до восьми недель, и врачи наконец-то скомандовали – идём дальше! В тот же день Маринку положили в больницу, и она провела там всю беременность, практически не вставая с кровати, в то время как я драл жилы, тайком от неё втягиваясь в несусветные финансовые авантюры, но успел-таки построить дом к рождению сына.

Упрямым Владька оказался до самого конца.

Маринка была против, и я больше не брал его в свою маленькую кузню, расположенную на заднем дворе головной точки «ЧерметЮга», а когда, бывало, заезжали ко мне в управление, запрещал в неё ходить. Но его всё равно туда тянуло, и в тот роковой день сын просто уличил момент пока я отвлёкся и сбежал...

Это была трагическая случайность – взрыв газового баллона. Причём, и баллон-то был совсем небольшой... Но что это теперь меняет?

Занятый последствиями ЧП, я тогда даже не сразу понял, что Владька не ждёт меня больше в кабинете и не скучает в машине. А когда дошло – носился как сумасшедший по территории, звал его, искал сам, заставлял искать своих работяг. Думал, сын просто испугался взрыва и спрятался. Ему ведь было всего семь...

...Маринка обвинила во всём меня, придумав какие-то тайные от неё посещения кузни вместе с сыном. Это был полный бред, но я не возражал. Не оправдывался. Я даже не дышал, боясь навредить ей ещё больше. Решил – если ей будет проще пережить горе, идя войной против врага в моём лице – я готов.

К тому же, я и сам винил себя.

Но я ведь не хотел, чтобы так случилось! Я ведь тоже любил сына больше жизни, и миллионы раз проклял судьбу за то, что она не взяла тогда меня вместо него. И всё же, я надеялся, что пройдёт время, и общая беда всё равно сплотит нас с Маринкой, и мы переживём эту боль вместе. Иначе быть не могло, ведь это были МЫ... Но не учёл того, что и сам вовсе не железный.

Маринка рвала и метала, а я замыкался, давился этими ни с кем не разделёнными горем, болью и обидой. Потом наши роли вдруг поменялись. Потом смешались... А потом уже и сам чёрт не смог бы разобраться во что мы превратились сами и превратили нашу любовь.

Целый год Ада, из которого не было выхода, потому что и отказаться друг от друга мы тоже не могли. Больные общим горем и созависимые, мы просто самоуничтожились, заодно уничтожая и друг друга тоже...

– Ну надо же, какие люди! – донеслось мне в спину из крошечной темноты гостиной, когда я, стараясь не шуметь, шёл напрямик от входа к лестнице наверх. – И чем же обязаны такой чести?

Я щёлкнул выключателем дежурного света ступеней и в его неверном свете разглядел силуэт сжавшейся в комок жены на диване. Я не видел её уже почти неделю, ведь наше безумие дошло до того, что большую часть времени я теперь жил в служебной квартире в городе.

– Я не мог приехать раньше, извини.

– Да пошёл ты! – взвизгнула она, и в меня полетело что-то тяжелое. Врезалось в стену, брызнуло осколками. Резко ударил в нос запах алкоголя.

– Марин, давай не будем? Не сегодня, пожалуйста. У меня сейчас просто нет на это сил.

– А когда? Когда?! – вскочив с дивана, закружила она вокруг меня. – Год назад ты его убил, а сегодня даже не соизволил просто приехать и помянуть! Что ты за человек, Магницкий, что за бездушный ублюдок?!

Моя ярость вспыхнула мгновенно. Привычка уже. Сжал кулаки, челюсти, силу воли – всё, что только можно, чтобы не сорваться.

– Я просто не смог вырваться, у нас печь сломалась.

– Что?! Что у тебя сломалось?!

– Домна. Действовать нужно было безотлагательно, иначе четыре тонны чугуна просто застыли бы в ней непробиваемым козлом, и тогда мы потеряли бы вообще всё. Вообще всё, ты понимаешь? В этой печи сейчас все наши деньги, включая этот дом и пару сотен миллионов вложений инвесторов.

– В задницу себе это всё засунь, Магницкий! Печи свои, бабки свои, инвесторов, чугун и себя самого! Кому это всё нужно?! Кому?! – привалившись спиной к стене, она бессильно сползла на пол и зарыдала. – Кому это всё нужно?

Я не тронулся с места. Настолько привык к этим истерикам, что меня даже не кольнуло.

– Это ты убил его! Ты!

И меня сорвало.

– Я?! Да я просто на минутку заехал в офис, как делал сотни раз до этого! Если бы я знал, что так случится, да я бы... – попытался отдышаться, но не помогало. – А вот ты, Марин? Ничего не забыла случайно? В тот раз, когда сделала аборт, даже не потрудившись поставить меня в известность, что ждёшь от меня ребёнка, ты никого не убила, нет?!

Она сжалась, задрожала, заскулила в прикушенный кулак. У меня в груди что-то шевельнулось, но я был слишком зол, чтобы прислушиваться к этому.

– И я, если хочешь знать, действительно не горел желанием ехать на поминки! Потому что не собираюсь праздновать смерть сына, ни сейчас, ни потом – никогда! Я, в отличие от тебя, хочу забыть об этом кошмаре! И тебе советую! Празднуй, лучше, его день рождения и помни живым, чем превращать наш дом в склеп!

Маринка вдруг затихла – резко, словно её переключило. Утёрла ладонями слёзы, глубоко вдохнула. Поднялась с пола.

– Мой сын, это не набор кубиков лего, из него невозможно выкинуть какую-то детальку, чтобы улучшить версию игрушки. – Её голос дрожал, но звенел неслышимой сталью. – Весь, какой есть, от рождения до смерти – это и есть мой сын. И я лучше забуду себя, тебя и всю эту чёртову жизнь, чем предам память о нём!

И не сказав больше ни слова, и даже не взглянув на меня больше, ушла наверх. А я остался внизу.

Вискарь скользил по опалённому печным жаром горлу больно, заставлял кашлять и давиться, но я упрямо заливал его в себя и впервые за всё время понимал, что вот теперь, пожалуй, всё. Конец. Мы словно оплавленные оловянные солдатики на последнем издыхании протянули этот год – в память о сыне, но окончательно разучились разговаривать на одном языке и стали необратимо чужими. Теперь мы просто орали друг на друга, словно находились на разных берегах Волги, и ни черта не понимали, что же доносит до нас пропущенное сквозь личную боль эхо. Нужно было заканчивать это всё. Тянуть дальше бессмысленно.

Когда поднялся в нашу бывшую спальню, Маринка собирала вещи.

– Что ты делаешь? – глупо, чисто по инерции спросил я.

– Ухожу.

– Почему?

Само вырвалось, наверное, лишь бы заполнить паузу, но Маринка вдруг замерла на мгновение, словно прислушиваясь к себе...

– Потому что не люблю тебя больше. Хватит.

Я молча вытряхнул вещи из чемодана обратно на кровать и пошёл на выход. В дверях задержался.

– Уйду я. – Не оборачиваясь. – Я этот дом строил для вас с Владькой. Без вас он мне не нужен.

Глава 3

Август 2018г.

Когда вернулся в зал, Маринка с Киром о чём-то возбуждённо болтали, чуть склоняясь друг к другу через столик, чтобы перекрикивать играющий джаз-бенд. В какой-то момент она повернула голову и глянула вдруг на меня с такой неподдельной нежностью, что у меня аж в груди замерло. Вот прямо сейчас она снова была собой, той самой Маринкой-малинкой, какой всего пять месяцев назад уезжала на Минводы...

Ну и где эта чёртова лягушачья шкурка, которую надо спалить прямо сейчас, чтобы не потерять больше свою царевну?!

Впрочем, она уже и не смотрела. Суетливо и слегка растеряно, словно её поймали с поличным, заправляла за уши волосы и кивала Кирею, но не было уже ни открытой, счастливой улыбки, ни возбуждённого ажиотажа беседы. Получается, я им помешал, так что ли?

Оно оказалось, они просто вспоминали свои студенческие годы. Общих друзей, педагогов, смешные случаи с выступлениями. А я сидел теперь с ними, как третий лишний, и не знал, куда себя деть. То и дело хватался за телефон, проверял сообщения, но там была тишина, и я его откладывал. Постепенно Маринкин коматоз снова схлынул, она начала улыбаться, а потом и смеяться. Я смотрел на неё в упор, провоцируя на ответный взгляд, но бесполезно. Однако, стоило мне только отвлечься, как я чувствовал – смотрит. И в этом взгляде ощущалась какая-то особая заинтересованность, словно она видела меня впервые или... тупо сравнивала с Киреем.

– А почему никто не танцует? – удивился братан. – Странно, ведь не попсу какую-нибудь играют, а золотой фонд современной классики!

– Не в музыке дело, – усмехнулся я. – Для здешней публики это просто не комильфо.

– А, ну я понял! Хрустальная люстра в сортире мешает, да?

– Типа того.

– А давай порвём их шаблоны? – неожиданно предложила Маринка.

Показалось, это она мне. Вскинул на неё обалделый взгляд, но нет, она обращалась к Кирею. Он слегка озадаченно глянул на меня. Я небрежно дёрнул плечами:

– Давай, капитан Америка! Порви тут всех!

А потом, пока они выходили на свободный пяточок перед эстрадой, упорно держался от того, чтобы не смотреть им вслед – перекачивал по столику пачку сигарет: на ребро-плашмя, на ребро-плашмя... Но всё равно не удержался.

В руках Кирея Маринка выглядела по-особенному хрупко и изящно. Не девочка уже, но женщина в том самом соку, от которого стала только ещё притягательнее, словно милый котёнок превратился в прекрасно знающую себе цену пантеру. И они с Киром, конечно, были парой! То, как лежали их руки, как ловко семенили, отсчитывая «раз-два-три» ноги, как слаженно чуть склонялись на поворотах головы и упруго гнулась в крепких лапах братана тонкая гибкая спина жены – всё говорило о том, что они не впервые танцуют вместе. Да и вообще – не впервые вместе.

Отвёл взгляд. Ревновал, да. Не понимал теперь не только того, что происходило все эти проклятые четыре месяца, но и того, что происходит с Маринкой вот прямо сейчас. Она на глазах оживала. Пусть рвано, толчками, словно давно остановившееся, и вновь заведённое электрошоком сердце – но всё-таки оживала! И уже казалось, что ещё немного и утеранный ритм окончательно восстановится. Был ли я рад? Не то слово! Но вместе с этим становилось неприятно страшно, ведь этим живительным электрошоком для неё явно стал Кирей.

Когда музыка закончилась, от дальнего столика послышались сдержанные аплодисменты. Я оглянулся – хлопали не только музыкантам, но и танцорам. Кирей театрально поклонился,

Маринка присела в изящном реверансе. А потом новые аккорды, теперь уже что-то активное, и ребята решили продолжить веселье.

Я же просто заказал сто пятьдесят коньяка. Пить не спешил. Крутил бокал в руке, смотрел как томно тянутся по стеклу янтарные дорожки...

И всё-таки, где же хранится эта чёртова лягушачья шкурка?

Вжикнул телефон, и только тут я вспомнил, что жду сообщение. Тут же закрутило ставшей уже хронической, гнетущей тревогой и виной. Я по привычке постарался засунуть их куда подальше и открыл сообщения. Но оказалось – не то. Сашка по-прежнему молчала и даже не прочитала ещё мою эсэмэску.

– Чёрте что! – возмутился кто-то за спиной. – Вы шашлычка придорожная или нормальное заведение? Где главный, сюда его давай!

– Извините, Дмитрий Николаевич, это ужасное недоразумение! Но мы сейчас же что-нибудь придумаем! – и мимо меня промчался администратор.

Я слегка обернулся и тут же поднялся, протянул руку:

– Дмитрий Николаевич, добрый вечер! Где бы ещё встретились! А я вот только сегодня с Юрием общался, вас вспоминали.

– Надеюсь, не матерным словом? – ответил на пожатие Горовец-старший, отец Юрки Горовца. За его плечом мило улыбалась Анжела, моя бывшая секретарша. Сам же Горовец недовольно озирался: – Нет, ты видал, что творят? Сервис, твою мать!

– Проворонили ваш столик? – догадался я, чьё именно место сейчас занимаю.

– Ну так! А у меня встреча, – глянул на золотые часы на запястье, – вот прямо сейчас. Не с собой же её тащить! – кивнул на Анжелку.

Он ни на что не намекал, но я понял. Повёл рукой в сторону нашего столика:

– Могу предложить присоединиться к нам. Ко мне брат приехал, и мы тесным семейным, так сказать. Но всегда рады хорошей компании.

Горовец обернулся на Анжелу, она с готовностью закивала. В этот момент закончился очередной музыкальный номер, Маринке с Киреем хлопал уже не один столик, а почти все.

– А я смотрю, тут сегодня как никогда весело! – усмехнулся Горовец и тут же посерьёзнел: – Ладно, я тогда пошёл, а вы тут в тесноте, да не в обиде. Спасибо, Данил. Выручил! Думаю, надолго не задержусь.

– Шампанского? – машинально предложил я Анжеле, когда он ушёл, и глянул в сторону эстрады: Кирей говорил о чём-то с мужичком за роялем, Маринка, разгневившаяся и сияющая, обмахивала лицо ладонями. Пианист кивнул, сказал что-то музыкантам, они коротко посоветовались, и заиграли очередную композицию. Что-то такое с первых же аккордов страстное и, как ни странно, смутно мне знакомое.

– Может, лучше тоже потанцуем? – мурлыкнула Анжелка.

– Не лучше, – отрезал я и маякнул официанту. Он тут же принёс фужер, налил шампанского и исчез. – Будем здоровы! – качнул я своим коньяком и, не дожидаясь пока Анжела полезет чокаться, сделал глоток. – А ты, смотрю, времени даром не теряешь? Или тебе не принципиально старший или младший, главное, чтобы Горовец?

Она улыбнулась и тоже сделала глоток.

– Стремление к солнцу, это естественный процесс. Твои слова, между прочим.

– Да кто бы спорил! Мне вот тоже, старший гораздо предпочтительнее, но я для таких рокировок, как минимум рожей не вышел. Ну и как Юрка, не против, что ты теперь с папой?

– А кто его спрашивал-то?

Я усмехнулся:

– И то верно.

И, недвусмысленно давая понять, что разговор окончен, взялся за телефон.

– А это же, вроде, жена твоя, да?

Я поднял взгляд. Анжела, полуобернувшись смотрела на танцпол, где зажигали Кирей с Маринкой.

– Ну ничего себе, горячая штучка! И главное, так ловко у неё получается! Училась где-то?

Я не ответил. Но вспомнил откуда знал эту мелодию. Это было то самое танго, которое когда-то в прошлой институтской жизни танцевали Кирей и Маринка. И с которого у них, насколько я знаю, и начались тогда амуры.

Это, наверное, как ковка – если один раз поставил руку как надо, то уже никогда не забудешь, какой бы молот тебе ни всучили. Кирей с Маринкой тоже всё помнили. Резкие развороты, опрокидывание партнёрши, взгляды глаза в глаза... Благо юбка у Маринки была всё-таки узкая и длинная, и не давала закидывать ногу Кирею на талию. Но даже так, в мельком распахнувшемся разрезе сзади, я увидел тёмную полосу на её бедре. Значит, не ошибся, и она всё-таки надела чулочки. С каким-то чумным мазохистским удовольствием я мигом перебрал в уме все варианты, какой же там может быть пояс.

– Мне кажется, или этот Мистер Мускул её лапает?

– Это хореография такая! – зло отрезал я и в четыре больших глотка допил коньяк.

Музыка закончилась, ребята сорвали очередной шквал аплодисментов, но на этот раз решили больше не плясать. Возвращаясь к столику, о чём-то переговаривались, смеялись, а потом Маринка увидела Анжелку и – щёлк! – словно в стену врезалась. Растерялась на мгновение. Мне показалось, ну всё, сейчас снова замкнётся, но нет, она подхватила Кирея под руку и рассмеялась. А подойдя к столику, небрежно плюхнулась на своё место и откинула прядь волос с сияющего румянцем лица:

– Умираю, пить хочу!

Я налил ей шампанского, она кокетливо салютнула мне фужером:

– Мерси боку!

Сцепились с ней на мгновение взглядами. Маринка явно всё ещё была растеряна, но усиленно пыталась это скрыть.

– Предлагаю выпить за знакомство, – предвосхитила её первый глоток Анжелка. – Я Анжелика, в прошлом секретарь Данилы Александровича, а ныне – гуляю сама по себе. Но до сих пор с нежностью вспоминаю тот дружный коллектив, под руководством такого замечательного директора!

– А почему же вы тогда ушли, если вам там всё так нравилось? – улыбнулась Маринка, но я знал эту улыбку. Внешне вполне дружелюбная, на самом деле она означала, что где-то там в мягких кошачьих лапках зудят когти.

– Обстоятельства, – в тон ей, многозначительно улыбнулась Анжелка.

Бжикнул мой телефон, я заглянул в него полуукрадкой. Сообщение: «У Влада начались судороги и нас положили в больницу. Сейчас будут делать капельницу»

С трудом проглотил шумный вдох, отложил телефон. Тревога ударила, как профессиональный боец без правил – исподтишка и на поражение. А ещё, захлестнула злость на Сашку, и отчаянная потребность немедленно начать делать хоть что-то, чтобы быть уверенным – с сыном всё будет в порядке. Как можно было отказаться от больницы ещё в первый раз? Ну что за баба? Что за безответственность?!

Почувствовал на щеке Маринкин взгляд, но поднять в ответ свой не решился. Словно последний, загнанный в угол гад, сделал вид, что не заметил. Нервно покрутил в пальцах пачку сигарет. Всё, как всегда, навалилось скопом, хоть порвись. Бесконечная трясина лжи, которая затягивает всё сильнее. И как мне вообще с самого начала могло прийти в голову, что это подарок судьбы, а не грёбанное начало конца? Впрочем, нет. Это действительно подарок судьбы – неожиданный и бесценный, но, как ни крути, болючий и подобный бомбе замедленного действия...

Четыре года назад. Июль 2014.

Гнал уже за сто пятьдесят, насилуя к чертям движок, сжигая на заносах резину. Казалось, если выжму ещё хоть десятку – скорость сравняется с болью и произойдёт что-то, что принесёт наконец облегчение. Например, педаль до упора в пол, руль резко вправо – через двойное ограждение перил, и с моста в Волгу... Пара мгновений свободного падения, потом минут пять подводных мучений – и всё. Вернее НИЧЕГО. Как же хотелось этой абсолютной пустоты и тишины!

Или стена. Это даже лучше. Педаль в пол и прямиком в серый бетон! Так, чтобы ни одна подушка безопасности не справилась, чтобы ошмётки грёбанной опостылевшей жизни разнесло на сотни метров по округе, оставив на память обо мне лишь радужные пятна масла на асфальте.

Впрочем, какая к чёрту память? Зачем? Пусть будет НИЧЕГО. Просто ничего. Педаль в пол, в пол, в пол...

...Ремень безопасности ударил в грудь, чуть не оторвалась от сумасшедшей инерции башка... И я понял вдруг, что ногу на педали тормоза аж свело от напряжения, а всего сантиметрах в тридцати перед капотом – та самая возделенная стена.

Обалдело выполз из тачки, привалился к её боку. Обалдеть. Вот просто обалдеть! Всё чего не хватает сейчас Маринке для полного счастья – это, конечно же, двух сотен миллионов инвесторских денег долга, которые повиснут на ней, если я сдохну.

Не, так не пойдёт. Сдохну после официального развода.

Едва подумал об этом, как снова накатила такая тоска, что хоть вой. Вот это её «потому что не люблю» – это как грёбанный приговор, всё-таки произнесённый вслух. Но на самом-то деле я ведь и раньше чувствовал, просто надеялся, что пронесёт. Не вышло.

Чуть поодаль заторможенно поднималась со скамейки офигевшая от моего эпичного появления молодёжь. Парни, девчонки, гитара. Жизнь, молодость, стерва-любовь. Святая наивность.

– Эй, мужик... – окликнул меня кто-то из парней. – У тебя там всё нормально?

Нормально? Я усмехнулся.

– Пацаны, где тут поблизости можно надраться в хлам?

– А тебе не хватит уже, дядь?

– Где?

– Там, – махнул парень рукой, – прямо по дороге, за поворотом, бар есть с дискотекой.

И на этом самом повороте, не успев я выехать из-за куста, в бочину мне воткнулся какой-то смертник без света и габаритов. Я выругался и вылез из машины.

Это оказался «Лифан Смайл», за рулём баба – руки обнимают руль, на них упала голова. Не двигается. Кинулся туда, в несколько рывков распахнул перекособоленную дверь и замер... Баба рыдала, но слёзы её вовсе не походили на болевой шок. Скорее истерика. Тронул за плечо:

– Эй, ты как?

Она глянула на меня мельком и, снова уткнувшись лицом в руль, продолжила рыдать.

– Слышь, ты как? Не травмировалась? Эй!

Она оторвала голову от руля, посидела глядя в пустоту перед собой.

– У нас такая любовь была! С первого взгляда. Пять лет. А сегодня он сказал, что нам надо развестись, потому что я, видите ли, оказалась не его человеком. Говорит, не расстраивайся, так бывает. – Всхлипнула. – Да лучше сразу сдохнуть!

– Пфф...

Что ещё сказать, я не нашёлся. Просто прекрасно её понимал. Как и то, что встреча с гайцами мне сейчас, по пьяной-то лавочке, вообще не с руки.

– Ну если ты в порядке, давай без ментов расходиться. На счёт денег я...

– Согласна! – перебила она и, утерев слёзы, принялась вылезать из своей коробочки. – И денег мне не надо. Просто отвези туда, где можно как следует надраться.

Я обалдел – мало того, что виновата в ДТП была она, и я просто собирался простить ей это, так она ещё и оказалась пьяна. Встретились два одиночества, блин. Может, судьба?

Несмотря на сомнительный вид заведения, народу в нём оказалось битком и сплошняком молодняк. Шумно, душно, нигде приткнуться... Но неожиданно драйвово. Просто вырубаешь мозг, и твои внутренние демоны начинают выползать наружу. Реальность мерцает в башке стробоскопами, рассыпается на осколки и меркнет. И всё наконец-то становится неважно. А жизнь – она вот она, в трансе ревущих басов и разгорячённости потных тел. Ещё немного, и на взлёт! Главное – ни на миг не останавливаться! Ещё, ещё, ещё...

И чем ниже твои инстинкты и голоднее демоны, тем слаще свобода, на которую они наконец вырывались.

Мои не жрали целый чёртов год...

Сквозь сон не мог понять, что это так назойливо пилит мозг, потом, поняв, долго искал телефон, параллельно сначала не врубаясь почему сплю в тачке, а потом вспоминая – вáлом, как снежный ком или даже лавина... Угар дискотеки, бутылка коньяка в руке, из горла, на двоих с этой, на Лифáне... Как её звали-то?

Белый лист. Даже лица вспомнить не мог. А вот остальное...

Матерясь, зажмурился – сильно, до радужных пятен. Но разве это могло помочь забыть?

Это была какая-то подсобка, в которой мы с этой... незнакомкой едва уместились. На двери не оказалось замка, но опасность быть застигнутыми лишь подхлёстывала, раздирала животным инстинктом, вырубала остатки мозга... Это было похоже на смерть, только наоборот. Словно сорвавшись в бездну, ты в какой-то момент обнаруживаешь, что падение – это на самом деле полёт. И хочется упасть ещё ниже, чтобы воспарить надо всем. Не объяснить словами. И тогда-то было драйвово, но вот сейчас...

– Да. – Голос дал осечку, пришлось прокашляться. – Да!

– Данила Александрович, слава богу! Я вам прям обзвонилась уже...

Оторвал телефон от уха, глянул – домработница. Время – начало восьмого.

– Нина, если вы не можете попасть в дом, то я не на месте, я...

– Да я знаю! Знаю! Я же... Господи, Данила Александрович, беда-то какая...

В голову ударило парализующей паникой, сравнимой только с той, что обрушилась в тот миг, когда понял, почему не могу найти сына на территории промзоны.

– Мариночка...

– Что? – Заорал я. – Что?!

– Она вены порезала...

В реанимацию к ней естественно не пустили.

– Вы бы съездили пока домой, – часа через полтора моего сидения в коридоре, предложила медсестра. – Мы позвоним, когда можно будет.

– Нет, спасибо. Я здесь подожду.

– Ну и зря, – многозначительно хмыкнула она и скрылась в запретной для меня зоне.

И до меня дошло. Добрёл до туалета, обалдел со своего видка.

Умылся, набрал водилу, велел ехать домой за передачкой. Тут же набрал Нину, попросил собрать для меня мыльно-рыльное и чистую одежду. Через час, так и не выходя из больницы, уже почти был похож на человека. А к вечеру, когда меня, наконец, пустили в палату, даже протрезветь успел.

Замер в дверях. Маринка лежала на кровати с приподнятым изголовьем, бледная, руки вдоль тела, запястья забинтованы, глаза закрыты. Словно тень. За одну ночь. Ту самую, когда я, гад...

Кинулся к ней, осторожно просунул руку под её холодную ладонь, переплёлся с ней пальцами. Маринка спала, но как-то страшно, почти не дыша. Я опустился на колени возле кровати, не отпуская руки положил голову на край её подушки. Как когда-то – всегда вместе, всё одно на двоих. Неразделимые.

Что же мы с нами сделали? Что сказал бы нам на это сын? И что бы ответили ему на это мы?

Холодные пальцы дрогнули, я поднял голову. Маринка смотрела на меня, глаза стремительно наполнялись слезами.

– Привет, родная, – пряча дикую тревогу, через силу улыбнулся я. – Ты как?

Она моргнула, к виску тут же хлынул целый ручей слёз. Что-то шепнула. Я не расслышал. Склонился ниже, и она повторила:

– Прости меня... если сможешь.

Глава 4

Август 2018г.

Горовец действительно закончил свои дела довольно быстро – прошло всего чуть больше часа. Правда, к этому времени Анжелка успела надраться и вела себя как сучка. На столе, конечно, не плясала, но демонстративно строила мне глазки и то разговаривала какими-то тупыми полунамёками, то, замолкая на полуфразе, загадочно хихикала.

Выставить её из-за столика я не мог из-за Горовца, заткнуть в грубой форме тоже – это выглядело бы как попытка именно заткнуть, и Маринка могла бы трактовать это двояко. Поэтому я просто предложил своим прошвырнуться ещё куда-нибудь, может, прогуляться по набережной, и Кирей, видимо почуяв обстановку, с готовностью согласился. А вот Маринка упёрлась.

– Зачем? Мне здесь нравится. А вам, Анжела?

– О-о-о-чень! – салютнула та фужером.

– Значит, решено. Остаёмся.

Я задержал на Маринке долгий взгляд, призывая посмотреть на меня, но она словно не заметила. И вообще снова держалась нейтрально, как будто не имела ко мне никакого отношения. И я бы мог предположить, что это ревность или даже назревающий бунт... Если бы не наблюдал эту картину уже четыре месяца, и Анжелка тут явно была ни при чём.

Тогда я пригласил жену на танец. Она предсказуемо отказалась, зато тут же стала навязываться Анжелка, и несмотря на отказ, снова и снова продолжала ныть о том, что мы с ней непременно должны потанцевать.

– В память, так сказать, о днях минувших... – многозначительная пауза и хихиканье.

Я накалялся, Маринка сохраняла самурайское спокойствие. Разруливая ситуацию, Анжелку пригласил Кирей. Она отказалась, зато тут же вызвалась Маринка. Кирей в замешательстве глянул на меня... Я, естественно, кивнул. Вот такая тупая ракировочка.

– Замри, у тебя ресничка упала... – мурлыкнула Анжелка, едва они отошли от столика.

Я жёстко перехватил её протянутую к моему лицу руку.

– Какого хрена ты тут устроила?

– Оу, господин властный босс злится? Это так мило! Особенно учитывая, что он мне больше не босс! Уж я не говорю о том, что, помнится, кто-то задвигал мне о неземной любви четы Магницких, которую ничто и никогда не омрачит. – С усилием выдернула руку, потёрла запястье. – Ну что ж, теперь-то и я вижу, что вас действительно не разбить. – Ядовито улыбнулась. – У вас с этим и так полный порядок.

– Не понимаю, о чём ты.

– Хмм? – глотнув шампанского, томно протянула она. – Тогда, может, спросишь у Мистера Мускула?

Я бросил взгляд на танцующих – рука брата обнимала талию моей жены, её ладони лежали на его плечах. Оживлённо разговаривали, улыбались друг другу, глядя глаза в глаза. Всё довольно чинно, и были бы это посторонние люди – я бы даже не обратил внимания... Но это была моя жена, и я уже сто лет не видел от неё даже этого. Зато всего пару минут назад даже в этом словил прилюдный отказ. Скрутило злостью и ревностью. Осточертело всё. Просто до предела!

Наплевав на пафос обстановки, расстегнул ворот до груди и, заложив за ухо сигарету, качнулся на задних ножках стула.

– Чего ты добиваешься-то, Анжел?

– А ты не знаешь?

– Даже не догадываюсь. Я не видел тебя полгода, и с удовольствием не видел бы ещё сотню раз по столько же. Расстались мы, несмотря ни на что, максимально корректно. У тебя теперь новая жизнь в новом статусе элитной содержанки – всё как ты мечтала. Так откуда столько желчи?

– Ты обидел меня, Данила Александрович, можно сказать, в душу плюнул! Уж я не говорю о том, что почти два месяца после увольнения мне пришлось экономить даже на маникюре. Согласись, это было некрасиво с твоей стороны, ведь, несмотря ни на что, работала-то я всегда на совесть! И к тому же, я извинилась.

– Некрасиво было голой задницей на моём рабочем столе сидеть, Анжел. А всё остальное – по корпоративному уставу.

Она рассмеялась.

– Да ты просто даже не успел понять от чего отказываешься! И если бы не психанул, и дал мне шанс, тебе бы точно понравилось! И моя задница, и то, как она сидит на твоём столе, и тем более то, что ты мог бы с ней на нём делать. А хочешь, этот шанс дам тебе я? – Поддела носком туфли мою брючину, потёрлась ногой. – Я знаю, что тебе сейчас край как нужны инвестиции. Знаю, что Юрка жмётся, и мы оба знаем, что он так себе вариант, в отличие от его папани, который о металлургии даже слышать не хочет. Да? Предлагаю сделку: я уговариваю его присмотреться к твоему проекту и устраиваю вам деловую встречу. А взамен ты всё-таки трахаешь меня на том самом столе. Одного раза будет достаточно, тут ведь речь уже не о связи на постоянку. Просто дело принципа, ничего личного.

Я усмехнулся. С-сучка.

– Так нет уже того стола, Анжел! Я его сразу после твоей задницы в топку пустил. Ничего личного, просто дело принципа. А тебе ещё тогда сказал, что жене не изменяю, и с тех пор ничего не изменилось. И лучше бы тебе всё-таки добровольно свалить отсюда. Серьёзно, пойдёшь посиди в баре, а?

Она поджала губы, пьяные глазки сверкнули злобой.

– Ты хоть понимаешь, от чего отказываешься? И ради чего? – бросила красноречивый взгляд на танцующих Маринку с Кириллом. – Ты ведь деловой человек, подумай, что будет если ты не найдёшь инвестора в ближайший месяц? Да весь город уже знает, что тебя поглотят! И тогда твоя ненаглядная жёнушка наверняка с удовольствием променяет тебя на Мистера Мускула. – Ядовито ухмыльнулась. – Если не уже. А то что-то она к тебе как-то не очень. Или, скажешь, мне показалось?

И в тот момент, когда я уже представил, как мои пальцы сжимаются на её шее, из випки, озабоченно прижимая телефон плечом к уху, вышел Хачатурян – главный архитектор города. Следом братья Лебедевы – москвичи, основные арендаторы едва-ли не всего побережья Волги южной части города. Немного погодя показался ещё какой-то смутно знакомый тип, кажется, кто-то из нынешней политической элиты местного пошиба. И только после этого, спустя ещё минут пять, вышел и сам Горовец в компании секретаря.

– У тебя есть ещё пара секунд, чтобы одуматься, – достала Анжелка из сумочки помаду. – На свете ведь нет ничего хуже обиженной женщины, странно, что ты этого ещё не понял.

Я решительно встал и двинулся наперерез Горовцу. Увидев меня, он на ходу договаривая что-то секретарю, замедлил шаг.

– Дмитрий Николаевич, – сразу перешёл я к делу, – раз уж мы тут так удачно встретились, может, уделите мне пять-десять минут? Я думаю, что на этот раз вы точно заинтересуетесь.

– Железо? – так же сходу перешёл к делу и он. – Ну нет, Данила Саньч, ну я тебе сотню раз уже говорил, что не моё это. Не то что тема плохая, не то, что не выгодно – а просто не лежит у меня к этому, ты же знаешь.

– Здесь речь уже не о металлургии в узком смысле, а скорее о вертикальной интеграции отрасли в целом. На региональном уровне, с заделом на расширение, конечно. В двух словах сложно объяснить, дайте мне десять минут.

Он остановился.

– Так ты действительно на холдинг замахиваешься? Серьёзная заявка.

– У меня всегда всё серьёзно, вы же знаете.

– Значит так, – глянул Горовец на часы, – сейчас я уже не настроен, у меня голова кругом от Лебедевых. Ты, кстати, слышал, что они затеяли? Элитный жилищный комплекс на Волге. Вот это мне интересно, тут и оборотность, и срочность совсем другие. Они, кстати, тот участок, что сразу за твоим Центром приглядывают. Берег, правда, обрывистый, но тем интереснее задача. А железо, это...

– Десять минут. Перспективы очень широкие, вы оцените.

– Вот пронира, а! – притягивая к себе подошедшую Анжелку, усмехнулся Горовец. – Молодой, да хваткий, Юрке бы моему такие яйца! Ладно, давай так, сейчас точно нет, а вот послезавтра, в двенадцать, жду звонка. Там определимся со встречами.

– Спасибо, Дмитрий Николаевич!

– Пока не за что. Звони.

Ударили по рукам и разошлись. Выходя из зала, Анжелка обернулась, и если бы вместо волос у неё росли змеи, они бы угрожающе шипели, точно.

Когда вернулся за столик, там сидел только Кир.

– Маринка где?

– В туалете.

– Ладно, я курить.

– Я с тобой.

Это было ни к чему, но куда деваться. Теперь, когда Владька в больнице, ещё пять-десять минут отсрочки звонка погоды не играли.

– Краля эта, – после недолгого молчания, мотнул Кирей головой на выход, – это то, о чём я думаю?

– А что, прям так очевидно?

– Само на ум приходит.

– Херово.

– Ну как бы да. Пассаж.

Я усмехнулся, сбил пепел.

– В том-то и дело, что я её не трахал, братан. Никогда. И даже близко ничего такого не было. Она так-то пыталась клинья подбить, конечно, но не больше, чем остальные. Я их даже не замечаю, не интересно. А потом случилось восьмое марта. – Затянулся. – Знаешь, что такое бабский офисный корпоратив? Ведьминский шабаш. Нет ничего хуже, чем толпа голодных, неудовлетворённых пьяных баб. Они реально без тормозов. Поэтому я никогда на таком не присутствую. И в этот раз заскочил мимоходом, потому что не поздравить тоже нельзя. Цветочки, премии вручил и откланялся. Поднялся к себе на минутку, а там эта сидит. Голая. Жопой своей на моём дубовом столе. Я, говорит, Данила Саныч, давно пылаю к вам страстью, и вот решилась. Берите меня скорее, я вся горю. Я охренел. Говорю, ну-ка быстро оделась и свалила отсюда, минута у тебя. Вышел в приёмную, через минуту захожу, а она там же, только раком и жопой ко мне. Так, говорит, лучше? До сих пор удивляюсь, как я её там не прибил.

– И?

– И уволил на хер, чего ещё-то? А она, видишь, оказывается обиду затаила. Полгода уже прошло. Сука.

– Н-да уж. Пойди объясни это теперь Маринке.

– Маринка знает, что я ей не изменяю.

– Ну, братан, тут дело такое, – скептически хмыкнул Кирей. – Можно много чего знать на словах, а когда до дела доходит...

– Нет, тут другое. – Я помолчал, докуривая. – За все двадцать лет за мной был только один левак. И Маринка о нём знает, я сам рассказал. У нас тогда вообще лютая жесть в жизни происходила. Как раз после того, как... – раздавил окуроч в пепельнице. – Ну понимаешь. Год тогда кое-как протянули, а потом рвануло. И вот когда по клочкам собирали друг друга, там без вариантов было идти дальше через брехню. С нуля так с нуля. Получится – значит, да. Нет – значит нет. Иначе бессмысленно. И такого друг другу порассказали... Сначала даже казалось, что не вывезем. Но ничего, справились. Потому что хотели справиться. И я ей поклялся тогда, что ни одной больше бабы на стороне. Никогда. И она знает, что я сдержу своё слово. А я знаю, что она сдержит своё.

– Тогда какая кошка между вами пробежала? Или, думаешь, не видно?

– Я не знаю, братан. Не знаю. Просто в один прекрасный момент раз, и всё. Лёд. Мне кажется, она просто устала от всего этого. Полжизни терять детей, пусть даже нерождённых, но всё равно – это каждый раз минус кусок от сердца. А после гибели Владлена – и вовсе... А тут ещё какая-то сука от медицины сказала ей, что теперь дело может быть в возрасте, и ещё через пару лет всё станет окончательно бесполезно. Маринка тогда почти неделю рыдала. От этого даже я устал, а про неё и подумать страшно. За неё страшно. За себя. За нас. Какая-то очередная жопа, короче.

– Так надо же что-то делать? Психологи там, семейная терапия. У вас же целый кризисный центр в распоряжении!

Я усмехнулся, и не ответил. Разве я не предлагал ей этого? Но она ведь твердит что у неё всё нормально. А сегодня я, кажется, убедился, что это действительно так. Просто в её «нормально» больше не вписываюсь я.

Сказав, что надо сделать пару звонков, задержался на террасе. Проводил Кирея взглядом, набрал номер. Сашка ответила почти сразу.

– Что там у вас, рассказывай! – с плохо сдерживаемым раздражением рявкнул я, наблюдая через панорамную стену, как Маринка мотает на палец прядь волос, пока Кирей киношным жестом подливает ей шампанского, а потом говорит что-то такое, от чего оба они начинают ржать, едва не съезжая под стол. – Доигралась, Саш?!

– Не ори на меня! – вскинулась она в ответ. – У меня и так нервы на пределе! Ты даже не представляешь, каково это, когда ребёнок прямо у тебя на руках теряет сознание и синеет, а ты ждёшь эту долбанную скорую и сделать ничего не можешь! – в голосе её сквознули слёзы. – Мне нельзя так волноваться. Я и так вчера должна была на сохранение ложиться, а тут такое!

Я выдохнул.

– Извини, просто я тоже волнуюсь. Как он, что врачи говорят?

– Влад спит, после капельницы температура упала до нормы. Врачи пока не знают в чём дело. Пока просто наблюдаемся.

– Ну а что за судороги-то? Отчего?

– Тоже непонятно. То ли на температуру, то ли ещё что-то, я не знаю. Завтра будем разбираться, сегодня уже ночь, тут только дежурные врачи, а им, похоже, вообще ничего не надо. Спасибо хоть отельную палату нашли. Ты перевёл деньги?

– Нет, закружился. Сейчас договорим, кину. В какой вы больнице? Может, вас сразу в частную какую-то перевезти?

– Давай доживём до завтра, ладно? Надеюсь, утром всё будет понятнее. Погоди, кажется, Влад проснулся... Сейчас я...

Заминка, возня, хныканье, Сашкин голос: «это папа» на фоне, и наконец, заспанное:

– Пливет...

Дыхание застряло комом в горле. А по лицу наоборот – неудержимо расплзлась улыбка.

– Привет, чемпион! Ты чего там, заболеть решил?

– Нет.

– Ну как нет, а мама говорит, вы в больнице?

– Да.

– Ну давай тогда так – ты же у нас мужик, да? Ну вот, а настоящие мужики всегда крепкие. Поэтому ты сейчас быстренько выздоравливай, и я дарю тебе большую такую, классную тачку, в которой ты сможешь ездить по-настоящему. Идёт?

– Да-а-а... – восторженно выдохнул он, и у меня предательски защемило глаза. Сдерживаясь, прижал к переносице кулак.

Владлен получил свою «настоящую тачку» в четыре года, на день рождения, я и до сих пор помнил его радость: затаённое от восторга дыхание, старательно высунутый язык, когда пытался вписаться в поворот за угол дома, отказы идти есть, купаться, спать, смотреть мульты... Дали бы ему волю, он бы жить в этой машинке остался!

Эта боль, наверное, никогда не пройдёт. И каждый новый этап взросления Владислава снова и снова будет резать меня по живому. Кашлянул, сбрасывая спазм с горла.

– Ну отлично! Какую хочешь? Гоночную?

– Жип!

– Не вопрос! Джип, значит, джип! Ты только давай там, не болей. Договорились?

– А ты углом плиедешь?

Бросил взгляд на Маринку... Ещё одна моя боль болючая. Мой воздух, мой смысл. Моя нежность. Моя любовь. Как же я перед тобой виноват!

...Вот уже почти два года, стабильно раз в месяц уезжаю на два-три дня на «контроль периферийных объектов», а на самом деле – в соседнюю область, к сыну. И вся эта ситуация давно уже стала для меня хуже смерти. Иногда даже казалось, что лучше бы я действительно сдох в ту ночь, чем вот так... Но, во-первых, Маринка призналась как-то, что тогда и она бы обязательно довела начатое до конца, а во-вторых – тогда не родился бы Влад. И как бы там ни было, а эти две жизни однозначно стоили гораздо больше, чем моя изъеденная виной совесть.

– Да, приеду завтра утром. Только уговор – ты больше не болеешь, да?

В трубке долгая заминка, сопение.

– Влад, слышишь меня?

– А ты какой папа, Алтём или Даня?

Стиснул зубы, выдохнул.

– Я Даня, Владюш. Маме телефон дай, пожалуйста.

Она взяла с задержкой, понимала свой косяк. Впрочем, и я понимал, что сейчас не время качать права.

– Да?

– Скинь мне координаты, я завтра утром буду у вас. Сам поговорю с врачом и разберусь с больницей.

Пока дожидался геометку, перевёл Сашке денег на карту и вернулся за столик.

– Ну что, может по коням? А то мне часа в четыре утра в область надо будет рвануть.

– Случилось что? – удивился Кирей.

Я посмотрел на Маринку. Хоть намёк, хоть тень недовольства или раздражения – и я бы переиграл... Но ей было без разницы, а может, даже, и лучше, если я свалю. И поэтому злился снова я, а она лишь отрешённо разглядывала музыкантов.

– Непредвиденные обстоятельства по работе. Так бывает. Планирую одним днём успеть.

Кирея поселили в гостевой на первом этаже. Маринка сразу ушла наверх, мы с братаном ещё немного задержались поболтать, но разговор не шёл. Я невольно думал о том, что вот уеду, и они останутся тут с Маринкой вдвоём... И не мог справиться с этим грёбаным ядом в душе. Вспоминал как оживилась при братане Маринка, танцы их зажигательные, даже его

чудо-«профессию» Оять же – может, если бы Маринка была ему просто левой девчонкой, то и мне было бы поспокойнее, но я-то помнил с чего всё когда-то начиналось, и...

Чёрт. Слышал бы мои мысли Кирей, он бы или поржал, или послал меня на хер. Скорее второе.

А ещё – я ведь ему слегка сбыхал. И если в своей клятве верности я был уверен, то в Маринкиной... с переменным успехом. Уже четыре месяца как.

Стыдно признаться, но по началу я так люто параноил от её заморозки, что даже озадачил своего безопасника поводить её незаметно, посмотреть, где бывает, с кем общается. Был почти уверен, что дело в любовнике, но у неё всё неизменно оказывалось чинно – дом-работа, дом-работа. Правда, был там, в «Птицах», один типок, который меня интуитивно напряг – некий иностранчик двадцати семи лет отроду, без регистрации и вида на жительство, человек из ниоткуда, который появился в Центре почти сразу после Маринкиного возвращения из Минвод. Но, во-первых, такие мутные типы появлялись в «Птицах» с завидным постоянством – на то они и жертвы жизненных обстоятельств, что сам чёрт ногу сломит в их личных историях. А во-вторых, когда я на эмоциях всё-таки предъявил это подозрительное совпадение Маринке – получил спокойный ответ, что это вовсе не совпадение, а она действительно познакомилась с ним в лечебнице на Минводах и сама же предложила помощь в «Птицах», и это, если уж мне так интересно, не тайна, а информация, официально записанная в его клиентской карте. «А что, что-то не так?» – как ни в чём не бывало добавила тогда она. А я не стал отвечать, но про себя понял – да не так. Я просто настолько забрехался сам, что невольно начал проецировать это и на неё. Довольно мерзкое ощущение. И тогда оно худо-бедно отступило, а вот теперь...

– Ладно, давай по койкам, – через силу зевнул я. – Четыре часа спать осталось.

– А куда конкретно едешь-то? Может, вместе сгоняем? У меня водительское с собой, будем меняться за рулём, если что.

Твою мать. Вот это и называется – загнать себя в угол!

– Не братан, спасибо, но в этом нет смысла. Ты лучше тут... за Маринкой пригляди.

Когда поднялся в спальню, Маринка вроде спала. Дышала ровно и тихо, как всегда, отодвинувшись от середины кровати на самый край – подальше от меня и отвернувшись. Я тоже лёг на свою половину, лицом к ней. Подпер голову рукой, заскользил взглядом: призрачно белеющие руки... Тонкая чёрная лямочка ночной сорочки – так и просится, чтобы её спустили с плеча... Волосы, размётанные по подушке. Манящий, раздражающе закутанный в покрывало, крутой изгиб от бёдер к талии. И надо всем этим, полупрозрачной вуалью, аромат её любимых духов. наших любимых.

Коснулся её плеча – теплая, манящая, знакомая от первой до последней родинки, до мельчайшей чёрточки на ладони... Но такая вдруг чужая и непонятная. Медленно повёл по её руке – до кисти и обратно. Спит или нет?

Пальцами под волосы, по шее, по спине. Поддел эту чёртову дразнящую лямочку, сдвинул... И, не сдержавшись, припал губами к основанию шеи. Аромат любимой женщины – уже не духи, а она сама, её кожа, тепло, характер, нежность и острота – ударили в голову, зарождая бурю. Зарылся лицом в волосы, рукой – по изгибу талии, покрывало в кулак – и к чёртовой матери... Ладонью по бедру, под шёлк сорочки...

Маринка вздрогнула, выдавая себя. Не спит. Тем лучше!

Поцелуями по спине, пальцами под трусики – мимолётно, и снова по бедру – с нажимом, до дрожи дуря от голода и желания. Бёдра на внутренней поверхности, там, где ноги сомкнуты с уже заметным, неслучайным сопротивлением, теплые, манящие. Ладонью, с усилием, между ними – а в памяти всплывает запах и вкус, нежная влажность и...

Маринка забилась, пытаясь сбросить мою руку.

– Не надо. Я не хочу!

А я сгрёб её поперёк живота, рванул на себя, навалился. Слышал я уже всё это. Не хочу, голова болит, настроения нет... И, самое козырное: «Я не резиновая Зина, чтобы терпеть без желания» Терпеть, видите ли! Всё это, вкуче с её отстранённой холодностью, пугало, бесило, обижало, выбивало из колеи... Но сегодня в клубе я вдруг снова увидел свою Маринку. Ту самую, настоящую, словно выглянувшую из норки. И я, чёрт возьми, разозлился!

Сначала она слабо сопротивлялась, но я не сдавался – запеловывал, пьянея от вкуса её губ, прогибая её настойчивой нежностью, тычась стояком куда-то в её бедро, пытаюсь протиснуть колено между судорожно сведёнными ногами, выглаживая ладонями каждый изгиб такого любимого, такого желанного тела... И Маринка сдалась, перестала пихаться. Я возликовал... и в этот миг почувствовал на губах слёзы. Её слёзы.

Замер. Отпрянул. И она тут же сжалась в комок, потянула на себя покрывало.

– В чём дело? – в злом отчаянии зарычал я. – Ну что опять не так?

Она молчит.

– В чём дело, ты можешь сказать по-человечески?! – уже почти в голос, почти крича.

Но она молчит и дрожит.

Рыкнув, отшвырнул подушку и вскочил. Бестолково постоял возле кровати ещё пару мгновений и позорно ретировался из комнаты.

Сначала курил одну за другой на балконе, пытаюсь собрать мысли в кучу. О сне больше нечего было и думать, ложиться теперь – лишь зря потратить время. Набрал хлопчика из службы безопасности, который остался «высиживать» ту дуру с гвоздём.

– Толь, ну чего там?

– Глухарь. Она если что и говорит, то только язвит и матерится. Я таких дерзких ещё не встречал, такое ощущение, что её конкретно крышует кто-то, поэтому она и прёт буром.

– А вообще, как ведёт себя?

– Да так же, как и говорит! Дерзко! Прошлось даже связать и рот заткнуть.

– Так, Толь, – повысил я голос, – вы мне там не жестите! Не хватало ещё из-за этой дуры проблем с журналюгами.

– Не-не, у меня всё под контролем, Данила Александрович! Просто она тут посуду бить начала и стульями швыряться. Я её чисто для профилактики приструнил. Можно?

– Смотри, чтобы без телесных.

– Обижаете.

– Кормили?

– Вот ещё. Я ей сразу сказал, что кормёжка только в обмен на информацию.

– Воды хоть дайте. Она ж хотя и дура, а ребёнок ещё.

– Ага, ребёнок! Давали мы ей воды, а она этим стаканом чуть бошку Ваське не пробила. Говорю же – вообще краёв не чует. Нет страха у неё! Обычная шмара так себя не ведёт, точно вам говорю! Её бы прям прижать. Ну пугануть так чтобы её блатная крыша показалась ей фиговым листочком. Когда почувствует себя на грани, тогда точно заговорит.

– Что ты называешь гранью? Попытки? Толь, ещё раз говорю – без жести. Ясно? А вообще знаешь, я сейчас сам подъеду.

Перед отъездом хотел заглянуть к Маринке, убедиться, что там без истерик, но она мирно спала. А может, и притворялась опять – кто знает? Я уже ничего не знаю, это факт.

«Хата» – снаружи простенький кирпичный домик советской ещё постройки, а внутри – вполне себе современный коттедж, располагалась на отшибе дачного массива. Местечко чтобы пересидеть, если что, «бурю» или перетереть дела, если надо по-тихому. Ну и просто типа резервного жилищного фонда для моих сотрудников «особого назначения» Природа, тишина. Благодать. Дерзкая должна бы оценить условия, но вместо этого я ещё в прихожке наткнулся на кучу осколков на полу – зеркало. У стены валяется табурет, которым, судя по всему, это зеркало и разбили. В центральной комнате – осколки посуды.

– Толь, ну... – многозначительно кивнул я в сторону побоища, и открыл дверь в спальню.

Девчонка лежала на кровати, руки связаны за спиной – аккуратно, не верёвкой, не наручниками, а скрученной в жгут простыней. Бережно, но надёжно. Во рту самый настоящий кожаный шарик, какими развлекаются БДСМшники в порнушке. Даже знать не хотелось откуда он здесь взялся, главное – тоже безопасно и не оставляет следов.

– Ну привет. – Хозяйски уселся на стул напротив неё. Похоже на нём же беседы беседовал и Толик. – Соскучилась?

А эта зараза даже с заткнутым ртом умудрилась скорчить такую презрительную рожу, что я чуть не рассмеялся. Что дерзкая, то дерзкая. Как кошконок двухмесячный, который нападает на здорового пса. И, самое интересное, пёс предпочитает не связываться. Вот и я смотрел на неё и думал – ну дура душой ведь. Её жизнь ещё не раз накажет за безмозглость, а я кто такой? На хрена мне это? ...А вот тот, кто заказал этот беспредел похоже, хорошо меня знает. Либо совсем отмороженный, раз пихнул под поезд вчерашнюю школоту.

Просто сидел и рассматривал её: большие глаза, вздёрнутый, усыпанный веснушками нос, губы даже в натянутом на шарик виде пухлые. Сама по-юношески тонкая, даже костлявая, но сиськи имеются завлекательные. Симпатичная. Даже жаль, что дура, могла бы нормальную жизнь строить. Семья, там, дети, все дела.

За спиной скрипнула дверь, и у стены молча встал Толик с ремнём в руке. Молодец, грамотно работает.

Ещё минут десять просто прессовали её молчанием. Потом я полуобернулся к Толику:

– А щипцы есть?

– Пассатижи.

– Если к обеду не заговорит, начинайте с ногтей. На ногах. Руки я тогда сам, ближе к вечеру. Если не заговорит, конечно.

– Заговорит, – уверенно хмыкнул Толик. – У меня ещё ни один клиент больше трёх ногтей не выдерживал. Про зубы вообще молчу.

– Ну и хорошо. – Я поднялся, и, склонившись над дурочкой, потрепал её по щеке. – Ну давай, не скучай тут, дерзкая. А если что – зови этого дяденьку, он развлечёт.

В её глазах мелькнул, но тут же утонул в злобе страх. Промычала что-то в ответ, готов поспорить – что-нибудь матерное, но я уже, не оборачиваясь, выходил из комнаты. Следом Толик. Осколки посуды и зеркала оказались уже убраны, мебель расставлена по местам. На крыльце я остановился, в задумчивости помял в пальцах сигарету.

– Видите? – заговорил за спиной Толик. – Вообще краёв не чувствует! Поэтому и говорю, что надо прижимать. Хотя после вашего приезда, может, и сама заговорит. А если нет – ещё парней подтяну, попугаем поплотнее.

Я домял сигарету в труху и отшвырнул в темноту.

– Если к утру не заговорит, отпусти её на хрен.

– В смысле?

– В прямом.

– Вы уверены?

– Нет, но чуйка шепчет, что сама девка ноль без палки, и только что и может – огрызаться. Тот, кто её нанял, скорее всего этого и хотел – чтобы мы время на неё впустую тратили. На отвлекающий манёвр смахивает. А по факту окажется, что всё что она знает – это какой-нибудь невнятной наружности посредник по имени Иванов Иван Иванович, которого мы хрен, когда найдём. К чёрту её. Мне интереснее, что будет после того, как отпустим.

*** **

Когда Данила вышел из комнаты, я ещё долго не могла начать нормально дышать. Всё внутри переворачивалось, дрожала каждая поджилочка, в груди болезненным колющим шаром ширилась боль. Та самая, от которой нет спасения. Опять.

А на коже – тающие следы его прикосновений. Вкус его поцелуя на губах. Его запах по венам. Его тяжесть, сила и страсть – всё ещё на мне. Не думала, что всё ещё помню его, что всё ещё реагирую. Думала, стёрлось. Надеялась на это. Но сегодня что-то пошло не так. То ли Кирилл разбередил своим появлением, то ли... Я не знаю. Но оказалось, что чёртова любовь всё ещё здесь. А с нею и боль.

Прислушалась – Данила через холл второго этажа вышел на балкон. Схватила за телефон:

«Мне плохо!»

В ответ тишина. Минута, другая...

«Густав, пожалуйста, ответь!»

Он, наверное, спит. Уже так поздно, а он всегда ложится по расписанию. Швед, что с него взять... Но экран вдруг вспыхнул:

«Извини, не сразу услышал сигнал сообщения. У тебя что-то случилось?»

И едва только мои глаза побежали по буквам, как в голове зазвучал и голос – спокойный, мягкий, с забавным акцентом и едва уловимой вопросительной интонацией в конце каждой фразы. И мне сразу стало легче. Даже тремор в руках пошёл на убыль и присмирела аритмия.

«Да. Мне очень плохо! И я не знаю, как быть»

Галочка «прочитано». Секунда, вторая... Карандашик бежит, набирая сообщение. Скидывает. Набирает – скидывает. И вдруг:

«Можно я тебе позвоню?»

Глава 5

Около пяти месяцев назад. Начало апреля 2018г.

Звонок раздался в самый обыденный момент самого обыденного дня. Лизка, моя шестнадцатилетняя сестрёнка, паковала чемоданы, готовясь к вечернему поезду, я шутила над ней, мол, твою сувенирку нужно вывозить отдельно – транспортной компанией. В открытую форточку санаторного номера врвался напоенный ароматами весны ветерок. Было немного грустно оставаться здесь одной, но сестрёнке нужно было возвращаться к учёбе, она и так здорово загуляла со своих весенних каникул, и Оксана, моя любимая мачеха и Лизкина родная мама, по секрету признавалась, что папа крайне этим обеспокоен. К тому же ещё через неделю должен был на все выходные подъехать Данила, а будние дни у меня были так плотно заполнены лечебными процедурами, что я знала наперёд – время пролетит быстро. И, даст Бог, с толком. Я на это почему-то даже не то, что надеялась, а именно верила.

Со стороны, возможно, покажется глупо, но, когда тебе уже под сорок, твоя жизнь заиклена на попытках сохранить беременность, а организм при этом раз за разом отвергает едва завязавшийся плод – надеяться начинаешь на что угодно. Поэтому наряду с супермодными курортами и дорогими заграничными клиниками я одно время не брезговала и «бабками», гадалками и всякими там другими эзотериками. А вдруг?

Однако все они были плюс-минус одинаковыми, и со временем я и сама, как заправская гадалка, научилась сходу определять кто из них по какой схеме «работает». И разуверилась. Но в этот раз всё было иначе. В тот день, двадцать пятого марта, я пришла на могилку к Владушке. Никого не трогала, даже по сторонам особо не смотрела, когда ко мне подошла вдруг цыганка. На вид ей было около пятидесяти пяти, и она была странная, словно слегка безумная: хихикала, спорила сама с собой, говорила о себе в третьем лице, обращалась к самой себе с вопросами, как будто в голове у неё сидела ещё парочка человек. Но особенно мне запомнились её разноцветные глаза – один зелёный, как бутылочное стекло, другой жгуче-карий. Когда я смотрела в них, сердце отчего-то замирало щемящим чувством дежавю.

– Тамара уже давным-давно знает, о чём болит твоё сердце, девочка! – безо всякого предисловия начала она. – Но рано ещё было. А теперь пора.

Я, если честно, испугалась, даже несмотря на то, что папа милиционер всегда относился к цыганам со спокойной строгой справедливостью, говоря, что они такие же люди, как и остальные, и я помнила это с детства. А вот сейчас обуял вдруг какой-то мистический ужас. Подумала вдруг, что лучше – сразу дать ей денег чтобы отстала или вообще не связываться, а просто сбежать?

– Ты Тамару не бойся, – словно услышав мои мысли, рассмеялась она, – Тамаре всего-то и надо, что подсказать тебе дорогу. На Северный Кавказ поезжай, на минеральные воды. И раз уж решилась, то и умри без сожаления.

По мне колким табуном ринулись мурашки и резко засадили шрамы на запястьях, и я, захлопнув калитку оградки, едва ли не бегом поспешила прочь.

– Это прошлое твоё, а не тело не принимает дитя! – крикнула мне вслед цыганка. – И пока ты не умрёшь, оно так и будет с тобой!

Я замерла. Медленно обернулась.

– Что ты сказала?

– Всё отсюда, – сжала цыганка виски кулаками. – Давняя твоя беда. Горькая вина за чужую ошибку. Чужой крест несёшь, и ни понять этого, ни скинуть не можешь, слишком давно звала.

– Я не понимаю.

Цыганка рассмеялась.

– А Тамара и сама не понимает! Она говорит то, что видит сердце, а сердце видит не так как глаза, потому что глаза говорят с разумом, а сердце – с душой. Сердце говорит Тамаре, что одной маленькой, брошенной девочке нужно поехать на минеральные воды и тогда в её жизни снова появится сын.

И моё глупое сердце тут же заколотилось с удвоенной силой.

– А... – я чувствовала себя и глупо и в то же время как-то странно собранно, словно говорила не с явно двинутой, а, как минимум, со штатным психологом «Птиц» – А что ты говорила про смерть?

– Смерть – это конец. Конец – это начало. Не затягивай с отъездом, тогда и приедешь быстрее.

Конечно, я рассказала о странном разговоре Даниле, и оказалось, что он знает эту Тамару ещё по юности.

– Она всегда была немного с приветом, а с возрастом, похоже, усугубилось.

– Может и так, но мне без разницы. Я хочу поехать на Минводы.

– Марин, ты серьёзно? Лучшие клиники Израиля и Германии не помогли, а ты на минералочку надеешься?

– А ты нет?

Долгий взгляд глаза в глаза. Ну же, дай мне знать, что ты ещё хоть на что-то надеешься! Я ведь так устала скрывать каждое очередное кровотечение спустя одну-две недели после положительного теста, о котором ты тоже даже не знаешь. Я берегу тебя от этой изнуряющей правды, как могу! В одиночку грею твою веру у самого своего сердца. Так пожалуйста, хотя бы надейся со мной вместе!

Он притянул меня к себе, обнял так нежно, как умеет только он один.

– Господи, Марин, ну о чём речь, конечно, я надеюсь! Но мне не нравятся все эти при сказки про концы и начала.

– Почему? Ты же говоришь, что эта Тамара просто с приветом?

– Да, но я всё равно волнуюсь за тебя. Давай поедem вместе, но на майские? Я постараюсь выдрать время.

– Нет, я поеду как можно скорее и лучше останусь там подольше. Мне действительно надо перезагрузиться. К тому же, я давно обещала Оксане подлечить Лизкин гастрит, а у неё как раз каникулы в школе. Всё совпадает, надо ехать.

И вот я здесь уже почти две недели, санаторная жизнь вошла в колею и стала обыденной. И как раз в один из таких обыденных дней и раздался этот звонок.

Вместо цифр входящего звонка, на экране телефона высветилось «Номер не определён» Я сразу подумала на Данилу, он иногда по запарке звонил мне с шифрованных, но в трубке прозвучал женский голос:

– Марина Магницкая?

И вроде ничего не случилось, а сердце отчего-то ухнуло в пятки.

– Да, я.

– Я звоню, чтобы сообщить, что у твоего мужа есть семья на стороне.

Это очень странное ощущение: растерянность и незащищённость, но в то же время злость. Разве я не знала, что вокруг моего мужа выются толпы охотниц за сладкой жизнью? Разве не смеялась над ними, гордо и спокойно вышагивая рядом со своим львом, уверенная в нём едва ли не больше, чем в себе самой?

А вот сейчас вдруг растерялась, и это пугало и злило.

Мимоходом улыбнувшись Лизе, вышла на лоджию, плотно прикрыла за собой дверь.

– Какая ещё семья?

– Обыкновенная: квартирка, женщина, ребёнок. Сын, если быть точнее. В Воронеже.

...И разве не боялась в глубине души этого самого пресловутого «один на миллион» случая, когда стреляет даже палка?

– Кто вы? Представьтесь.

– Не думаю, что в этом есть смысл.

– В таком случае, смысла нет в этом разговоре в принципе.

– Не веришь? Могу выслать фото и адрес.

– Не утруждайтесь. Мне это не интересно. – И я, едва не выронив из дрожащей руки телефон, первая дала отбой.

Как же меня трясло! Под ложечкой, растекаясь по телу противной слабостью, забились паника. Вопреки ей и гадливому чувству стыда за то, что посмела допустить даже мысль о том, что всё это может оказаться правдой, набрала единственного, кто мог бы меня успокоить – Данилу. Но он не ответил.

– Марин, мы идём обедать? – позвала из комнаты Лиза, и я взяла себя в руки.

Но кусок в горло не лез. Лизка без умолку тарахтела, совершенно не замечая моего прибитого состояния. Впрочем, сама-то я что замечала в её возрасте, кроме собственных забот?

Бжикнул телефон, я сжала его в ладони. Наверное, если было бы возможно, я бы его просто придушила, чтобы не рвал душу... Но вместо этого всё-таки глянула на экран. Файловое сообщение со скрытого номера. Удалить не глядя, и дело с концом?

И что, неужели, я настолько боюсь этой лжи?

От первой же фотки зашумело в ушах – Данила с мальчиком на шее. Следом прилетела ещё фотка, и ещё, и ещё – целая серия, которую, судя по всему, снимали вот прямо сейчас.

Дрожащими непослушными пальцами увеличила очередной снимок... Дыхание перехватило – ни вдохнуть, ни выдохнуть, перед глазами поползла тёмная пелена. Недаром Данила так гордился своими «сильными генами» – этот мальчик, которому на вид было около трёх лет, так сильно походил на нашего Владюшку, как может быть похож только родной брат.

«Ну как тебе фотки? Теперь веришь?»

В горле встал ком, глаза наполнились слезами. Я бросила взгляд на сестру – она тоже сидела в телефоне и по-прежнему не замечала моего состояния.

– Лиз, я пойду прилягу...

Нужно было взять себя в руки. Продышаться и разобраться со всем этим досконально. А пока любые выводы преждевременны.

Пока возвращалась в номер, телефон периодически жужжал новыми сообщениями, и мне казалось – он жжёт руку. Больше всего хотелось швырнуть его об стену... Но было уже поздно. Я уже знала то, что знала и не собиралась оставлять это так. Если это всё провокация и наветы, то у них могла быть только одна цель – навредить Даниле, и он должен об этом узнать. А если нет...

Господи, как же это было больно! До удушья и ватных от бессильной паники коленей. Перед глазами стояли фотографии – как приветили из прошлого, на которых Данила с нашим сыном... Только в роли нашего сына был сейчас другой мальчик, идеально подобранный дублёр, почти двойник.

Может, фотошоп?

Эта мысль вспыхнула в мозгу как озарение. Ну конечно! Господи, ну как я могла повестись на этот бред? Рвётся там, где тонко. Какая-то сволочь просто знает о нашей с Данилой проблеме и поэтому давит именно на это. О чём тут вообще думать, надо звонить мужу!

Но позвонить не успела, потому что погрязла в новых, наваленных доброжелателем фоточках. И ладно бы только фоточках – среди прочей грязи были и короткие видео. На них мой муж безо всякого фотошопа и фильтров возился с мальчуганом, который называл его папой. А мой муж называл его Владькой. Владькой! Это какой-то сюрр или особо изощрённая попытка. Этого просто не может быть!

Но это было, и я словно подсматривала за незамутнённым отцовским счастьем своего мужа в замочную скважину. Из узницы своей боли на волю, куда он, здоровый плодовитый мужик выйти сумел, а я, дефектная, нет.

К вечеру, когда провожала Лизу на вокзал, уже даже она заметила, что со мной что-то не то. Трудно было не заметить зарёванных красных глаз и рассеянного внимания. Но она списала это на свой отъезд и обещала звонить мне каждый день, и я держалась в её присутствии как только могла. Но когда поезд скрылся из виду – сломалась. Сидела на краю какой-то случайной лавки и рыдала навзрыд. Вокруг царил обычная вокзальная суета, ходили люди, встречались, прощались, проживали свои горести и радости, и я потерялась в этой толпе, растворилась в её безразличии и упрямой живучести. А потом зазвонил телефон, и это был Данила. Я смотрела на мигающую зелёную кнопку на экране и не могла найти в себе силы чтобы ответить. Что я ему скажу? Что скажет мне он? Я не знала, мне просто хотелось как в детстве – спрятаться и пусть всё решится как-нибудь само.

Данила перезвонил снова. И снова. И я решилась.

– Привет! Я на вокзале, Лизу провожала, не слышала звонка.

– А что у тебя с голосом? Такое ощущение, что ты плачешь?

– Ну... – слёзы катились по щекам, щекотали горячей горечью губы, – есть немного.

Говорю же, Лизу провожала.

– Марин... У тебя там точно всё нормально?

Я закусила губу.

– Да. Всё нормально. А ты где сейчас?

– Работаю, где мне ещё?

– На заводе?

– Нет, в офис заехал. Сейчас уже домой поеду. Соскучился по тебе, просто жуть!

– Так приезжай! Если прямо сейчас выедешь, к утру уже у меня будешь.

Пауза... и он рассмеялся.

– Да я бы с удовольствием, ты же знаешь. Но пока не могу вырваться...

Потом он говорил что-то ещё, я что-то отвечала – на автомате, по привычке, а сама думала о другом.

Я ведь изучила те фотки вдоль и поперёк. Геометка указывала на Воронеж, дата – сегодня. При всём желании он не мог бы успеть вернуться оттуда, максимум – находился где-нибудь в пути. Но это не важно, ведь он в любом случае прямо сейчас врал мне. Что мешало ему сказать, что поехал по делам в Воронеж? Или мотается по области? Он ведь регулярно выезжает...

К горлу подступил ком – регулярно, каждый месяц именно в этих числах он уезжает с инспекцией по области... Но куда на самом деле?

– Ну давай, кис, не хандри там! Я к концу недели подъеду. Сейчас до санатория доберёшься обязательно перезвони мне, поняла?

– Конечно. Не переживай.

– Скажешь, тоже – не переживай! Я тут только о тебе и думаю! Целую, малыш! Соскучился жутко!

– И я...

А ещё на тех видео была женщина, которую мальчик называл мамой. Снято было откуда-то со стороны и из-под полы, явно скрытно, разглядеть её лица в подробностях мне не удавалось, но и этого было достаточно, чтобы понять – она примерно моя ровесница, может, чуть моложе. У неё было хорошее настроение, она смелась и подыгрывала забавам моего мужа и... его сына. Их сына. Владьки...

Не помню, как добралась до санатория. Раздирало противоречиями – от послать всё к чёрту, до немедленно позвонить Даниле и потребовать объяснений. Закатить скандал, устроить

побоище, разметать ошметки нашей любви по окопам и... Но я не могла. Всё, что у меня было в этой жизни ценного – это Данила и его любовь. И я трусила лишиться этого. Не знала, как смогу без всего этого жить. Не умела.

Сидела на скамейке в парке и не понимала, что теперь.

– Я не помешаю? – раздался рядом голос.

Я глянула на мужчину в форме парковой obsługi, и, не ответив, отвернулась.

– Сегодня так звёздно, – присел он рядом. – Действительно не хочется заходить в дом. Я часто гуляю здесь ночью, хотя вообще-то приучен к режиму. В детстве у меня был очень строгий отец, нам с матерью приходилось слушаться его во всём, и режим – это ещё самое малое что...

– Идите к чёрту! – зло прорычала я. – Не ужели не видно, что вы здесь лишний?

– О... – подскочил он со скамейки. – Я прошу прощения! Я правда думал, что вам скучно. Вы же проводили подругу, вот я и подумал... Извините. – И поспешил прочь по аллейке, но вдруг остановился, сделал пару шагов обратно. – А ещё я хотел сказать, что вы очень красивая. Очень. Я заметил вас ещё в первый день, и... Простите, если помешал. Просто вам не идёт грустить. И я думал, что может...

И я просто поднялась и ушла сама.

К утру я уже знала, что буду делать дальше – собирать информацию, а там – по ситуации. Поэтому сразу после завтрака связалась с начальником юридического отдела «Птиц».

– Никита Сергеевич, дело высшей степени конфиденциальности. Мне нужен самый надёжный человек, который мог бы послужить кем-то вроде частного детектива. Для меня.

– Можете полностью рассчитывать на меня лично, Марина Андреевна.

Никита, мужчина под пятьдесят, до того, как осесть в кресло некоей юридической фирмы, работал и следователем УГРО, и прокурором, потом адвокатом и юрисконсультантом и даже пытался наладить частную сыскную практику, но не потянул финансово. Я лично переманила его из той юридической конторы, где он занимался в основном арбитражем, дав руководящую должность в своём центре. А так, как клиенты наши по большей части люди «проблемные», то юр отделу, включающему в себя и службу собственной безопасности, частенько приходилось заниматься негласным сбором информации разного рода. Работа, можно сказать, творческая, и Никита не раз признавался, что наконец-то нашёл свою золотую середину. И когда он, узнав суть дела, не дрогнул ни от щекотливости ситуации, ни от того, что копать придётся под самого Магницкого, формального хозяина «Птиц», то и я убедилась, что не зря доверяла ему на все сто.

Он получил от меня адрес в Воронеже и фото-видео материалы и уже через час выехал на место.

Следующие два дня растянулись для меня в бесконечную резину тяготящего ожидания. Глупая надежда на чудо сменялась острым отчаянием, потом снова надеждой и снова полной деморализацией. Я запрещала себе думать о том, что муж сейчас, возможно, всё ещё в Воронеже... но всё равно думала. Отчаянно злилась и в то же время тосковала по нему, но, когда он звонил, впадала в коматоз, и не знала, как и о чём с ним говорить. Отписывалась СМСками о том, что прямо сейчас не могу ответить, потому что на процедурах, хотя сама, честно сказать, безбожно их прогуливала, с утра до вечера либо бессильно валяясь в кровати, либо отсиживаясь на скамейке в дальнем уголке санаторного парка.

Не хотелось никого ни видеть, ни общаться. Но едва выходила в парк, как рядом неизменно оказывался этот садовник, или кто он там, который подошёл ко мне в тот раз ночью. И, как ни странно, его присутствие помогало отвлечься. Ему было лет двадцать пять, аристократичная внешность, довольно длинные, почти по плечи, гладко зачёсанные назад волосы. Аккуратный, деликатный иностранец с хорошим русским и забавным мягким акцентом. На разнорабочего из obsługi походил с огромной натяжкой, но тем не менее, работал именно

помощником садового дворника. Я ему нравилась как женщина, это было заметно по его взглядам и желанию быть рядом. И это было и смешно, и горько, учитывая нашу разницу в возрасте и, особенно, мою личную ситуацию с мужем.

А через два дня Никита Сергеевич предоставил первые отчёты: Данилу в Воронеже действительно застал, хотя в тот же вечер он уже уехал. Мальчик по указанному адресу тоже имеется, и действительно называет моего мужа папой. А тот его – сыном...

– Мать ребёнка, Александра Морозова, восемьдесят седьмого года рождения...

– Погодите! – едва ли не простонала я. Не хотела знать кто она и насколько моложе, как и то, где они с моим мужем познакомились, и по какому сценарию развивался их роман. Это было выше моих сил! Мне бы просто не разреветься раньше времени. Не выдать свои истинные чувства. У меня ведь сейчас окончательно рухнуло вообще всё, на что ещё можно было хоть как-то опереться, и узнавать на этом фоне о преимуществах соперницы – это чистое безумие либо мазохизм. – Я не хочу ничего про неё знать. Узнайте про ребёнка и хватит.

– Что именно вас интересует?

– Дата рождения. Это возможно выяснить?

– Думаю да. Дайте мне пару дней.

Справился раньше. А потом, узнав, я целые сутки просто сдыхала. Всё оказалось так... сложно. Лучше бы Данила просто предал меня, да и дело с концом! Может, тогда я смогла бы просто разозлиться и возненавидеть его, и это дало бы мне сил поставить точку. Но получалось, что ненавидеть не за что. Как и злиться. Мне вообще оставалось только выть от боли и отчаяния, и кусать локти – у моего мужа была вторая семья, но я не могла его в этом винить... Потому что сама была в этом виновата.

Это ведь я методично, день за днём убивала нас. Тогда мне было всё равно чем всё это закончится – после гибели Владюшки я не могла жить сама и не давала жить Даниле. Я не видела ни просвета, ни смысла, и поэтому уничтожала себя во всех и всех в себе. С маниакальным упорством вызывала ненависть и отторжение к себе, одновременно пропитываясь этой ненавистью ко всем, кто рядом. А рядом неизменно был Данила.

Алкоголь – скандалы, скандалы – алкоголь. Загулы по клубам. Сомнительные компании. Я иногда даже не помнила, как оказалась дома, просто знала, что меня в очередной раз нашёл чёрте где и вытащил непонятно из какой дыры муж. Наутро было стыдно и вместе с этим непрестанно больно от зияющей на месте сына пустоты в душе, и я снова, словно больная бешенством сука, заглушала этот стыд и боль непрестанными, жестокими нападками на мужа.

Я видела его боль и горе. Знала, что он держится из последних сил, но... Добивала. Зачем? Я не знала. Я просто была конченной эгоистичной тварью, озабоченной лишь своей болью, потому что лучшего отца, чем Данила представить просто невозможно. Он был волком и львом в одном лице. Он таскал Владьку в зубах, защищал, воспитывал и любил, вкладывал в него душу и каждую свободную минуту жизни. Сколько раз я благодарила Бога за то, что он послал нам именно сына, потому что с его рождением и Данила превратился из вездесущего проныру-ворона в ширококрылого, матёрого орла, и эта сталь характера вливалась в сына, как материнское молоко. Отцовское молоко – можно так сказать?

Как можно было обвинять Данилу в гибели его же смысла жизни?

А я обвиняла. И исподволь всё ждала – когда же он бросит мне в лицо ответное обвинение? Но он не бросал. То замыкался, то орал, то пил, то неделями не появлялся дома – но никогда не бил по больному. И меня это злило ещё сильнее, потому что я чувствовала всю мерзость прущей из меня тьмы, но не могла остановиться. По-хорошему – мне бы тогда в дурке отлежаться, но Данила терпел. И я снова и снова просыпалась дома, в своей постели, не помня, как в ней очутилась.

И когда он не выдержал и бросил в лицо то самое больное, что жгло меня больше всего – тот давний аборт, возможную причину моей низкой фертильности, я поняла – вот оно, дно.

И стало вдруг так спокойно! Я словно добила своего – убила нас. Остались только чужие, не помнящие друг друга тени, непонятно зачем живущие вместе. И я действительно собралась уйти...

А ушёл он. Даже в этом он оказался сильнее. И когда его машина рванула со двора, и в ночи повисла тишина... я испугалась. Как тяжело больной на мгновение приходит в себя перед смертью, так и я поняла, наконец, ЧТО натворила. Вся эта грязь и яд, которым я так щедро травила всё, что попадалось под руку, были лишь шипами, уродливыми наростами на незаживающей ране души. Это был крик, вой о помощи... И Данила его слышал. Всё это время – слышал. А теперь вот всё. Нет Владюшки, нет Данилы. Ничего. Тогда зачем здесь я?

...А когда очнулась в больнице и первое что увидела – его...

Господи, разве я это заслужила? Чем? За что?

Но Данила был рядом и смотрел на меня с такой неподдельной любовью, что я вдруг поняла, зачем мне жить дальше: чтобы всем бедам назло дать ему то, что он заслуживал как никто другой – ребёнка. Если Данила смог выдержать меня и созданный мною Ад, то я смогу выдержать всё остальное.

Это не было просто, я даже проходила терапию у психиатра. А ещё мы с Данилой работали с кризисными психологами. Играли в игры, на первый взгляд лишённые смысла, рисовали картинки, писали друг другу записки на совершенно неожиданные темы. Часами выговаривались, преодолевали внутренние барьеры, сопротивление и гордыню... А потом настал момент, когда мы должны были обнулиться. Это было наше решение, на нас никто не давил, и мы могли отказаться от этой практики, но сообща решили, что хотим идти до конца. А скорее – до нашего нового начала.

Это оказалось больно для нас обоих. В первое мгновение мы оба словно отшатнулись друг от друга, долгие пару дней переживая и проживая услышанное порознь... но ради друг друга. Я невольно рисовала в голове картины того, как Данила – МОЙ Данила – обнимает и целует другую... Меня корёжило и ломало, но я знала, что привела к этому сама. Добивалась этого, провоцировала его на это. И вот, за что боролась – на то и напоролась.

И от этого понимания я наконец-то выросла. И боль, как бы ни было это странно, сменялась вдруг благодарностью – за его долготерпение и за то, что измена была лишь одна. Просто удивительно! Ведь я-то, если честно, была уверена, что давно довела его до ручки и все эти его ночёвки в городе – неспроста.

И одному только Богу известно, что в этот момент переживал Данила, ведь мой ответ ему был, несмотря на видимую невинность, гораздо страшнее – я просто не помнила был ли у меня кто-то другой. Я. Просто. Не помнила.

Если бы мы с ним расстались после этой практики – это было бы даже правильно. Мне было бы больно, но я готова была его отпустить. И понять, если бы он меня не простил и не принял. Но он и принял, и простил. Мы поклялись друг другу в верности и, спустя ещё три месяца обвенчались.

В это же время у меня появилась нестерпимая потребность сделать что-то большое и нужное для других – так родились «Птицы» И пока они проклёвывались из вороха идей, из бюрократических и хозяйственных забот, из творческих порывов и первых результатов – заново рождалась и я. И мы с Данилой снова были рядом, на зависть всем бедам рука в руке и душа в душу... И только злобный червь очередных неудачных попыток родить точил меня гораздо сильнее, чем раньше. Думаю, что и Данилу тоже. Уверена, что его увлечение экстримом – это как раз отсюда. Такие мужчины как он, обязательно должны продолжаться в детях! А я не могла дать ему этого. Я не могла. Ведь я лишь красивое снаружи, но червивое изнутри яблоко, с которого ни семян, ни долгой лёжки, а он...

Его сына звали Владиславом, и по дате рождения выходило, что он был зачат именно в тот раз, в котором уже признался мне Данила. А может и чуть раньше – и тогда он рассказал

мне не всё, но это был наш личный Адский год, который обнулял вообще всё. А мог и чуть позже... Но я в это не верила. Тогда мы были неразлучны и кристально прозрачны друг для друга.

Да и что это вообще меняет? У Данилы есть сын, которого он действительно заслуживает. Которого он наверняка очень любит и страдает от того, что не может быть с ним рядом постоянно. Из-за меня.

Ответственный и сострадательный, каждый раз перед сном целующий мои шрамы на запястьях – разве он может меня бросить? Это ведь будет «не по-мужски», разве нет? Что он каждый раз говорит этой своей Саше – рассказывает истории о том, что вот-вот разведётся, просто жена больная и сейчас ну никак нельзя оставить её одну?

Это было похоже на дешёвую мелодраму, но она происходила со мной. И у каждой такой истории обязательно бывает финал – либо мужик ломается и остаётся с убогой нелюбимой женой, и всю оставшуюся жизнь тихо ненавидит её за это, либо он вырывается на свободу, находя в себе силы на правду.

Я не хотела видеть Данилу поломанным, вот такая штука. Я хотела бы видеть его счастливым и цельным – рядом с собой и нашими детьми, конечно. Но раз это невозможно... его нужно отпустить. Подтолкнуть. Дать ему это «право» – идти дальше и быть счастливым.

«Иногда отпустить – это и есть любовь» – я вычитала это совсем недавно в одном любовном романе, где герои прошли через Ад, но всё же нашли своё счастье[1]. Я любила Данилу больше жизни, поэтому тоже должна была отпустить.

Но как потом жить самой?!

Однако, не сказать бы, чтобы я была святой великомученицей. Иногда накатывало вдруг и острое желание отомстить. «А чем я хуже?» – думала я тогда и рисовала в уме картины: у Данилы своя тайная жизнь, у меня своя. У него женщина и ребёнок, у меня – любовники меняются, как перчатки. Месть, достойная всё той же дешёвой мелодрамы, потому что в период нашего обнуления была ещё одна практика, в которой мы признавались в самых больших страхах, связанных друг с другом. Я исписала тогда целый лист, хотя всё крутилось вокруг «Боюсь, что не смогу родить, и ты уйдёшь к той, которая сможет». Он написал проще: «Боюсь тебя потерять» – и по сути, это было одно и то же, но разными словами. Одна на двоих боль, от которой мы должны были беречь друг друга... Но мы, как говорится, лишь накаркали. Мой страх воплотился в жизнь, и часики уже тикают обратный отсчёт. Так честно ли, что я тяну эту лямку одна?

В такие моменты я даже совершенно иначе поглядывала на этого иностранного садовника Густава. Он, такой молодой и совершенно не привлекающий меня, был идеальной жертвой для того, чтобы начать жить как захочется. Однако это, как ни странно, оказалось не так просто.

Когда к своим почти сорока годам ты знаешь лишь одного мужчину, и он тебя не просто устраивает, но идеально тебе подходит – все остальные становятся лишь особями по половому признаку «М» И, находясь в твёрдом уме и трезвой памяти, невозможно уже даже просто представить рядом с собой кого-то другого – это вызывает брезгливое отвращение.

Была у меня когда-то подружка, которая признавалась по секрету, что сходит с ума от мысли, что кроме члена мужа не увидит и не попробует больше никакой другой. Мол, скукота! А жизнь одна, и она коротка, так какой смысл отказывать себе в разнообразии?

А я слушала её и думала – действительно, жизнь так коротка! Сколько нам с Данилой осталось быть вместе? Ещё двадцать, тридцать, а в самом лучшем случае – лет сорок? Кто из нас уйдёт первым, а кто останется осиротевшим хранителем памяти? И как это вообще будет возможно пережить? И какой смысл размениваться сейчас на других, вместо того чтобы наслаждаться одним единственным, тем самым, который и есть твоя жизнь?

Эта моя моногамия, подхлестнутая глубоко загнанным чувством вины, настолько обострилась после «обнуления», что иногда походила на паранойю, и даже теперь, когда я пыталась сознательно дать себе добро на измену, у меня ничего не получалось.

Если только зажмуриться и зажать нос, как перед приёмом горького лекарства? Но какой тогда в этом смысл? Ведь это всё равно будет через не могу, а вовсе не «жить, как захочется»

И уже через пять-десять минут глупых заигрываний с Густавом меня бросало в другую крайность – я снова закрывалась в раковине боли, понимая, что как бы я сейчас ни рвала и ни метала, а исход один – не оказалось у нас с Данилой ни сорока, ни двадцати, ни десяти лет вместе. Мы даже до пяти не дотянули.

Тогда мне хотелось просто набрать его номер и сказать, что-нибудь красивое, вроде «Отпускаю, будь счастлив!» Но я понимала, что за этим стоит лишь острая жажда услышать в ответ, что всё не так, и я всё не так поняла, и вообще никто кроме меня ему не нужен... О если бы это было так!

Однако в жизни Данилы был и сын, и тайные регулярные поездки к другой семье, и моя собственная дефектность. И вместо таких желанных слов о том, что никто кроме меня, я боялась услышать в голосе мужа банальную радость свободы. Раскрыть сейчас его тайну – равносильно тому, что поставить перед выбором «Или я, или они» Какова вероятность, что он выберет меня? Нулевая. Ему нужен ребёнок, это же очевидно, а я лишь держу его рядом с собой жалостью и чувством долга. Нет, я не могла открыть эту правду. Я, несмотря ни на что, не готова была отдать его другой семье.

Я была похожа на собаку на сене – ни себе, ни людям, и понимала это, терзалась этим и винилась, но была ли сила, способная отодрать меня от этого сена?

Хотелось закопать голову в песок и подождать, пока всё само как-нибудь рассосётся... Но вместо этого я снова строила Густаву глазки, а потом снова падала в бездну отчаяния. Снова и снова. Нескончаемый десятибалльный шторм.

Так меня кидало почти до конца недели. За это время мы с Густавом сдружились, я даже рассказала ему о своей беде, и в какой-то момент совершенной чужой человек превратился в мою жилетку для слёз, в то время как я по-прежнему не знала о нём ничего, кроме имени.

За пару дней до приезда в санаторий Данилы у меня случилась истерика, свидетелем которой стал всё тот же бедняга Густав.

– Я не смогу, я не выдержу этого... – рыдала я. – Всё закончится тем, что я наложу на себя руки... – Задрала рукав, демонстрируя шрамы. – Видишь? Мы с ним уже расставались... Это болезнь! Я просто болею им, и не представляю, что с этим делать!

Он замер на мгновение, глядя на мои шрамы круглыми от ужаса глазами, и вдруг схватил меня за руку и припал к запястью губами. Это миготом отрезвило меня. Я отшатнулась, вскочила со скамьи, выдирая из его рук свою, но он вскочил следом, вцепился в мои плечи:

– Послушай, я хочу тебе помочь! Я могу, клянусь, но ты должна захотеть этого сама! – Его иностранный выговор смягчал слова и странным образом действовал успокаивающе. Глаза цвета некрепкого чая оказались вдруг так близко... Я от чего-то обмерла, вглядываясь в них, проваливаясь. – Доверься мне, просто попробуй. Я не наврежу. Обещаю!

– Я не понимаю тебя...

Он увлёк меня обратно к скамье, усадил.

– Просто послушай, и не спеши с выводами! Но прежде, чем я расскажу тебе о себе, пообещай, что это останется между нами. Обещай! Пожалуйста.

– Ты что, убил кого-то? – глупо пошутила я.

– Нет! Нет, ну что ты такое говоришь! Я не сделал ничего противозаконного, но вынужден скрываться. Два года назад я бежал из Британии, долгое время отсиживался в Йемене, потом перебрался в Прибалтику, но и оттуда мне пришлось бежать. И вот я здесь и больше

всего боюсь себя выдать, потому что не знаю, куда бежать дальше. Россия большая, я надеялся затеряться в ней навсегда, и для этого мне нужно сидеть тихо... Но я встретил тебя, и...

Я вдруг испугалась, что он начнёт признаваться в любви, напряглась. Но Густав оказался и умнее, и деликатнее.

– Словом, я могу тебе помочь. Просто обещай, что не выдашь меня.

Я поёжилась – его напор и взгляд почти жёлтых глаз действовали на меня странно. Я словно почувствовала себя обнажённой. Захотелось зажмуриться и тряхнуть головой.

– Я никого не убивал, никому не навредил, но меня постоянно хотят принудить к этому. Поэтому я прячусь. Только поэтому!

И во мне, несмотря на собственную боль, шевельнулась вдруг «Птица», оберегающая тех, кто в беде. Как же я сразу не поняла этого! Он ведь действительно смотрелся нелепо и случайно в этом костюме садовника, да и в этом месте в принципе.

– Кто тебя принуждает и к чему конкретно?

– *Secret Intelligence Service*. Секретная разведывательная служба Великобритании. Просто я... как тебе сказать... Я уникам. Я способен погружать человека в гипнотический транс и программировать его поведение. Самое простое – могу заставить бросить курить, начать бегать по утрам, убедить прыгнуть с небоскрёба или внушить желание шпионить, например. И много чего ещё, что в безграничной вседозволенности спецслужб неизменно превращается в преступление против человека и его воли. Я не хочу так. Но здесь другое, и мне кажется, я могу помочь тебе... – замялся на мгновение, – помочь разлюбить мужа. Ты ведь этого хочешь?

– Что за бред! – возмущённо вскочила я со скамьи. – За кого ты меня принимаешь?! За наивного ребёнка? Доброй ночи!

– Ты ничего не теряешь! – крикнул он мне вслед. – В худшем случае я просто не смогу пробиться в твоё подсознание, и всё останется как есть, а в лучшем – твоя болезнь хоть и не сразу, но пройдёт. Боль пройдёт, страх. И однажды ты просто сможешь уйти от него. Сама. Легко и свободно. Ты ведь этого хочешь?

Я остановилась. Постояла немного... И вернулась на скамейку. Посидели в молчании рядом, я – изгрызая губы в кровь, Густав – неподвижно уставившись в одну точку.

– Если то, что ты говоришь правда, то ты действительно уникам и тебе цены нет, – наконец подала я голос. – Получается ведь, что ты можешь работать гипнотерапевтом и вместо того, чтобы вредить, наоборот – помогать. Посттравматический синдром, например, фобии, панические атаки. Да и вообще всё то, что лежит в подсознании! Даже элементарные кодировки от алкоголизма. Ты смог бы?

Он посмотрел на меня с интересом.

– Мне кажется, или ты понимаешь, о чём говоришь? Это, если честно, неожиданно. Мне казалось, ты обычная светская львица, прожигательница жизни...

Я усмехнулась.

– Отчасти ты прав, но я даже не прожигаю жизнь, а просто бестолково копчу небо. От меня ни тепла, ни света. Ноль. Но я действительно понимаю о чём речь. И поэтому не верю тебе. Извини. Но спасибо за этот разговор, я даже не заметила, как успокоилась. Или, скажешь, ты уже подействовал на меня своими чарами?

– Нет, что ты! Я же не колдун. Это происходит иначе. – Помолчал. – А может, всё-таки попробуешь? Никакого насильного вмешательства. Я просто введу тебя в транс, расслаблю твои границы и поговорю с тобой. Просто поговорю.

– О чём?

– О жизни, о тебе, о том, какая ты свободная и красивая, о том, что перед тобой открыты все дороги, стоит только сделать шаг из замкнутого круга. Сразу не сработает, конечно. В том смысле, что за один раз зависимость не снять. Но тебе сразу станет легче, и ты хотя бы начнёшь нормально спать. А когда приедет твой муж, тебе будет легче держать себя в руках. Это не

страшно, вот увидишь! Это как слегка убавить громкость музыки, прикрутить чувства, приглушить реакции. Сразу до упора нельзя – чревато резким откатом и обратным эффектом. Но если понемногу, по одному сеансу раз в две-три недели, в течение нескольких месяцев или полугода... Не знаю точно сколько, всё будет зависеть от тебя и твоего бессознательного. Но если у меня получится достучаться до тебя в первый раз, то я гарантирую, что рано или поздно ты исцелишься. И сможешь просто спокойно уйти.

– Нет, Густав, спасибо, – я поднялась. – Я, наверное, ещё не настолько отчаялась, чтобы пускать в свою голову малознакомых людей, какими бы приятными они ни были... – Осеклась. Ну вот опять. Я опять с ним заигрываю! – Доброй ночи.

– Ты веришь! – негромко бросил он мне в спину. – И поэтому боишься. А если бы не верила, то и опасений не было бы.

Я улыбнулась и ушла. Вернее сбежала. Потому что, даже не понимая толком верю или нет, я отчаянно хотела обмануться. Стать одной из тех дурочек, попавших под влияние шарлатана, лишь бы услышать долгожданное «Теперь всё будет хорошо!» И я боялась разочарования от того, что на самом деле ни черта это ничего не изменит.

Когда вошла в холл, позвонил Никита Сергеевич.

– Марина Андреевна, готова информация по «доброжелателю». Шифровка телефонного номера, как я и предполагал, оказалась не настоящей, это маска, она стоит копейки по сравнению с настоящим сокрытием.

Я устало усмехнулась. Казалось, только что расслабилась, разболталась с Густавом и даже слегка забылась и поверила в то, что всё не так уж и плохо... но реальность – вот она. У Данилы всё ещё есть другая семья и ребёнок, в моём телефоне полно их фотографий и видео, и уже послезавтра, когда муж приедет, мне нужно будет как-то себя вести, смотреть ему в глаза и хранить эту горькую тайну, не выдав себя ни дрогнувшим голосом, ни предательской слезой. А как? КАК?!

– Ну и кто? Подождите, дайте угадаю – она и есть та самая Александра Морозова, так?

Я была уверена, что информацию слила любовница Данилы. Это ведь тоже очень по мелодрамному: несчастная мать полуодинок и недожена, имеющая, однако, огромную фору перед бездетной супружницей – она всё ждёт, пока любимый мужчина наберётся смелости и уйдёт от постылой законной. А он всё никак. И надо подтолкнуть... Классика!

– Нет, не она.

Я от неожиданности замерла посреди длинного коридора.

– Как нет? А кто же тогда?

– Анжела Величко, в прошлом секретарь Данилы Александровича. Она была неожиданно уволена с занимаемой должности около месяца назад, а если точнее, то девятого марта. Без отработки и выплаты компенсации. Просто вышвырнута из компании. Видимо за какой-то серьёзный проступок, а если верить сплетням – то за попытку перевести служебные отношения с боссом в горизонтальную, так сказать плоскость, чего Данила Александрович категорически не приемлет. Ну а дальше – все её действия похожи на банальную, простите, бабскую месть. Я ещё покопаю под неё, но поверьте моему опыту, никаких других мотивов здесь скорее всего не обнаружится. Это личная мелкая месть и ничего более.

Я схватилась за эту дурацкую ниточку, как утопающий за соломинку – Данила отказал наглой секретутке в интиме! Значит, он верный! Значит, он не врёт мне! Значит...

Бессильно привалилась плечом к косяку чужой двери. Кто бы знал, как сильно может болеть пустота в душе!

Ничего это не значит, кроме того, что ему хватает и двух женщин. Одна основная, другая запасная. И это ещё вопрос, какая из них какая.

А может, и правда – к чёрту это всё? Порвать на живую и всё. Ну неужели у меня не хватит сил?

Палец потянулся к «Галерее», ко всем этим выжигающим душу фотографиям. Мальчонка у Данилы хорошенький, чего уж там. И так похож на Владюшку... Так похож, на моего сыночка! И Данила с ним – такой счастливый. И Саша эта – симпатичная. На семь лет младше меня. Туда-сюда, и ещё кучу детей ему народит... И после второго Данила точно уйдёт. Точно! И нет, сил у меня пережить это не хватит!

Даже не знаю, кто удивился больше – администратор на ресепшен, когда я среди ночи узнавала, где мне срочно найти Густава, или сам Густав, когда я неожиданно ворвалась к нему в комнату служебного флигеля...

В эти дни Данила приехать так и не смог – работа не отпустила, подвалила срочных проблем, задержала ещё на две недели. И это даже хорошо, это дало мне возможность притупить острую боль. И когда я вернулась домой – смотрела на мужа уже как-то иначе, словно со стороны. Мне всё ещё было очень больно, я всё ещё тянулась к нему, хотела его близости и внимания, но теперь это было похоже на мучительный похмельный синдром. Я просто понимала умом, что, если сейчас сорвусь – потом мне будет только хуже, и, как ни странно, довольно сносно держалась. И с каждым сеансом у Густава мне действительно становилось всё проще.

Мне словно отключили чувства. Я не сдалась, но сказала себе – пусть так. Ещё немного, и я уйду сама. Тихо, мирно. Добровольно. И всем будет хорошо.

---

[1] Цикл остросюжетных любовных романов Стаси Андриевской «Откровения о...»

Глава 6

Август 2018г.

Снилось мне что-то поганое: какие-то люди, танцы, похожие на шлюх женщины. Во всей этой кутерьме я как обычно в последнее время искала Данилу и не могла вспомнить – а был ли он на самом деле, или я себе его только придумала? Кир в этом сне, кстати, тоже был, но не нынешний Капитан Америка, а тот, давний звёздный студент, по которому сохли все, от первого до пятого курса, танцорки с кафедры хореографии, включая и меня. Однако сейчас мне не было до него дела, я силилась вспомнить был ли Данила в реальности, и в этот раз попытки были особенно мучительными и сопровождались острым ощущением тоски и одиночества. Даже во сне у меня противно подкруживалась голова и пульсировали свинцовой тяжестью виски, но при этом я, как ни странно, выпалась. А проснувшись, с удивлением обнаружила, что меня распирает какой-то неуёмной, похожей на пьяную эйфорию энергией.

Спустилась вниз и замерла: на кухне, как ни в чём ни бывало орудовал Кир, сооружая себе гигантский бутерброд. Глянула на часы – начало седьмого.

– Ну ладно мне на работу, а ты-то чего так рано вскочил?

– Кому рано, а кому ещё не так уж и поздно! – по-Голливудски сверкнул он улыбкой. – Привет!

И по-свойски полез обниматься. Я машинально потянулась в ответ, но в последний момент оба замерли. Непонятный конфуз, стеснение... Но всё-таки обнялись, и я тут же схватилась за турку, загромыкала чашками-ложками. Кирей тоже прижух возле своего биг-бутера. Странная ситуация. Взрослые люди, а как дураки, честное слово.

– У нас в Штатах сейчас начало одиннадцатого вечера, и я обычно только из тренажёрки выхожу. Не говоря уж о том, что у вас тут в половине четвёртого солнце уже во всю в окно шпарит.

– Бли-и-ин... – шлёпнула я себя по лбу. – Прости, совсем забыла, что в той комнате ставни сняли! Вчера как-то не до этого было.

– Да ладно, не парься, не помру. Бургер будешь?

– Нет, я только кофе. А тебе, может, чего-нибудь посущественнее сварганить? Только что? Чем питаются на завтрак качки, я не знаю.

– Кровью девственниц! – рассмеялся он. – Не суетись, я тут у вас всё уже посмотрел, нет у вас нормальной жратвы. А то, что есть – это так, на зубок.

– Пфф... Ну знаешь! Предупреждать надо было, что приедешь! И меню заранее оговаривать, тогда я бы тебе тут мамонта запасла.

– Так я и так за месяц предупредил. Но похоже, надо было за год, да?

Я улыбнулась и перевела тему. Сложно сказать, говорил ли мне о его приезде Данила. В последнее время я всё чаще ловила себя на том, что просто не слышу о чём он говорит, словно его голос, да и само присутствие окончательно становилось каким-то фоновым.

– Ладно, я на работу, а ты тут за хозяина, – проглотив кофе, поднялась я. – В восемь придёт домработница, зовут Нина, я попрошу её, чтобы приволокла тебе тушу бизона. Зажаришь на обед, можешь даже целиком – в барбекюшной во дворе есть вертел. А у меня сегодня, извиняй, много дел, до вечера никак не вырваться.

– Да я бы, вообще-то, с удовольствием с тобой прошвырнулся. Даныч рассказывал про твой центр, мне очень интересно.

Я замерла.

– Про *мой* центр? Что прям так и сказал?

– Да. Говорит, ты нереальная, что смогла всё это замутить. Он прям конкретно так восхищается тобой! Как влюблённый пацан.

– Пфф, – закатила я глаза, но у самой как-то непонятно защемило в груди. И я испугалась этого. Нахмурившись, суетливо отвернулась. – Без его бабла всё равно ничего не случилось бы, так что герой у нас тут один – господин Магницкий. Об этом, вон, даже в газетах пишут. Ладно, если ты со мной, то будь готов, через пятнадцать минут выезжаем.

Залетела наверх, застыла перед зеркалом, всматриваясь в своё отражение. Глаза предательски блестели и отчаянно свербело в носу. Какого хрена? Что ещё за сентиментальные сопли?

Густав помог мне справиться с чувствами к мужу очень быстро, всего четыре месяца понадобилось, хотя поначалу думал, что будет дольше. Может, потому что в последнее время он проводил свои сеансы не через одну, а каждую неделю? Впрочем, не важно. Главное – это мне действительно помогало. Правда, внутри по-прежнему сидело что-то, что заставляло меня глупо замирать от тревоги каждый раз, когда Данила уходил на эти свои бои без правил или ехал на прыжки с парашютом, но я уже чувствовала, что ещё немного и буду готова уйти: мои реакции окончательно выровнялись, стали предсказуемо одинаковыми и контролируемыми. Но вчера...

Так, хватит.

Промокнула нижние веки пальцами. Ничего особенного вчера не случилось. Это просто Кир. Он появился так внезапно и притащил за собой такой сумасшедший шлейф ностальгии, ассоциаций и ощущения полной жизни, что я невольно зажглась. Но Кир не Данила. На Данилу это не распространится, точно. Даже не о чем беспокоиться.

Накрасила губы и поспешила вниз. И только выруливая из ворот поняла вдруг, что помада у меня сегодня дерзкая алая. Впервые с того момента, как узнала тайну мужа.

Какого хрена со мной происходит?!

– Ты классно смотришься за рулём, знаешь об этом? – щёлкнул меня на телефон Кир, когда мы выехали за город.

Я скорчила ему рожу, чтобы фоткнул ещё раз.

– Скажи об этом моему мужу. А то он уже давно пытается навязать мне водителя.

– Ну так волнуется за тебя, наверное?

– Угу. Или просто не доверяет. Он же один у нас тут самый классный.

– А ты сама-то ему доверяешь?

Простой вопрос, а у меня так ёкнуло в груди, что дыхание сбилось. И как же это было непривычно, но в то же время знакомо больно!

– Не поняла?

Кир загадочно поухмылялся.

– Ну ладно, давай откровенно, это ты ему новую тачку покоцала?

И я вдруг рассмеялась. А ведь ещё позавчера сохранила бы бетонное лицо и ответила короткое «нет». И хрен бы кто подкопался! Но сегодня... Сама от себя не ожидала. Просто ржала и одновременно понимала, что где-то там, на задворках самоконтроля, назревает что-то вроде истерики. Я даже не была уверена, что слёзы выступили от смеха. Меня штормило, как пьяную малолетку, и это пугало... но было так классно!

– Фу-у-ух... – уже второй раз за утро промокнула слёзы пальцами. – Насмешил! За кого ты меня принимаешь? За отмороженную шпану?

– Наоборот. Это было бы довольно изящно. И чисто в твоём стиле.

– Ой, да брось! Я уже полжизни, как вполне адекватная. Да и зачем мне это, в неё столько бабла втюхано! Какой смысл пускать его на ветер?

– Ну почему на ветер? Там вполне можно перекрасить, я видел.

– Магницкий не станет. Для него это дело принципа.

– Вот и я об этом, – хитро усмехнулся Кир. – Всего три буквы на капоте и считай, что и не было никакой тачки. Красиво сработано!

Я глянула на него мельком и прикусила губу.

– Бред какой-то. Это Данька считает, что я виновата?

– Да нет, он-то как раз уверен, что это тёрки по бизнесу. А вот мне кажется тут «шерше ля фам» чистой воды. И даже далеко ходить не надо, чтобы нашершелякать.

– Пфф... – на щёки неудержимо напознала краска, и меня уже жутко злило то, что я ничего не могу с собой сделать. – А ты теперь, типа, знаток женщин у нас?

– Ага, типа того. Он, кстати, девчонку ту, которая это сделала, повязал и удерживает где-то. Ты знала?

– А ты уверен, что можешь мне это рассказывать? Тебе же, наверняка, по страшному секрету сообщили? И уж точно не для моих ушей тайна, особенно учитывая, что там, оказывается, даже не мужик, а девчонка какая-то. Ну и как она из себя? Ты её видел?

– Нет, зачем мне? А что сболтнул – косяк, да... Но просто интересно, а ты не боишься, что у Даныча с ней до уголовки дойдёт?

– Не дойдёт. Максимум попугает, потом бабла подкинет за молчание и до свидания.

– А-а-а, вон оно как... – многозначительно хмыкнул Кир и замолчал.

Я глянула на него мельком – он смотрел на меня и лыбился, и я поняла, что, кажется, снова сболтнула лишнего. Фыркнула как можно небрежнее:

– Так вообще-то все СБшники работают! Или у вас, там, в Америке, всё только строго по закону бывает? Ну надо же! А мы-то тут, между прочим, из ваших киношек мудрость черпаем.

– Угу, угу...

– Да не я это! Мне бы такое и в голову не пришло! Но идея действительно хорошая. Даже слегка обидно, что не моя. Старею, наверное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.